

Див Талалуев

**[Сказ о том, как кожа спадает с ночи, и
оголяются просторы для завоевания днем]**

Див Талалуев

**Сказ о том, как кожа спадает с
ночи, и оголяются просторы
для завоевания днём**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Талалуев Д.

Сказ о том, как кожа спадает с ночи, и оголяются просторы
для завоевания днём / Д. Талалуев — «ЛитРес:
Самиздат», 2017

Два брата-рыбака, живущих на краю царства земли Тирд и ловящих рыбу в экстремальной реке, из-за любви к яблокам случайно вмешались в чужую беду и следом угодили в череду событий. Происходящее с ними спирально затягивало в неведанный мир, лежащий отдаленно от человеческих территорий - мир, полный ужасных и коварных порождений тьмы; мир, аккуратно и изредка входящий на чужие владения и в эту же минуту грозящий каждому оказавшемуся на его пути быть раздавленным. Братья уверенно не только пресекают эти аккуратные вхождения нечисти на человеческие территории, но и вынуждены войти в мир, полный несущих опасности порождений.

© Талалуев Д., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Глава 1. Бимбочка и Чудище Пучеглазое	5
Глава 2. Королева и Трехголовая гидра	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1. Бимбочка и Чудище Пучеглазое

Глава о том, как порой то, что тебе не нужно, может оказаться полезным.

Жили-были Бим и Бом, родные братья-близнецы, выросли они без родителей в маленькой хижине на краю реки Нудот. Степенно тратили дни, зарабатывая ловлей в реке редкой вкусной рыбы, и продавали свежельовленный деликатес на местном рынке богатым покупателям. На вырученные деньги братья закупали съестные припасы, одежду, материалы для починки снастей и лодки.

В свободное от рыбалки и домашних хлопот время, они готовили напиток сидр, используя сорта местных яблок. После трех месяцев сидр созревал и братья, удобно расположившись на деревянных шезлонгах вдоль берега реки, выпивали его и любовались окружающим их миром.

Как-то раз у них закончились яблоки, и близнецы направились на рынок города Тирд, чтобы восполнить запасы полезных фруктов и в скором времени приступить к приготовлению любимого напитка.

Прейдя на городской рынок, Бим и Бом обнаружили, что яблоки исчезли с продовольственных лавочек. Пропал с лотков, даже не сильно почитаемый многими жителями, элитный сорт яблок «припевочки», который был выращен исключительно на приближенных территориях города Тирд.

Краткая неожиданная история про сорт яблок «припевочки».

Сорт «припевочки» Бим и Бом, в отличие от многих жителей, особенно значительно уважали за то, что яблочки, подсыхая, своеобразно вибрировали, издавая нежные протяжные звуки, схожие с совместным звучанием человеческих голосов.

Для сохранения влаги в яблоках, люди продавали их погруженными в бочки с водой, оставляя после покупки наслаждение одной и той же исполняемой партией и подчиняясь невидимому регенту. Некоторые покупатели, индивидуумы, приходили приобрести «припевочек» с ведрами, наполненными водой: она не давала подсыхать жизнелюбивым яблокам по дороге домой.

Оказавшись вне воды, «припевочки» продолжали петь значительно тише, от чего атмосфера становилось ещё благоприятней, но, будучи скушенными и лишённые целостности и вибраций, они продолжали музицировать в желудках, вызывая спокойствие.

Тем, кто занимался перспективным и высокорентабельным бизнесом – производством сухофруктов с «припевочками» – ожидало монотонное и унылое пение, прощально звучащее до усыхания плодов.

Любители витаминных напитков в сезон отсутствия свежих фруктов делились впечатлениями, что при варке компота пение возвращалось и наполняло всё кухонное пространство приятными нотками настроения прошлого лета.

Бим и Бом, планируя готовить сидр, покупали любимые яблочки и в сопровождении сладкозвучной композиции спешили добраться до дома. Аккуратно вырезая у яблок сердцевину, закладывали их до начала брожения на тройку дней в бочки с сахаром и дрожжами, затем процеживали и отправляли обратно созревать. Бочки под воздействием фруктового хора доносили музыкальные достижения до окружающих все то время, что готовился сидр. После открытия напиток разливался по бокалам и сразу же выпивался, после чего он переваривался, и в желудке звучала партия, как будто исполняемая как минимум двумя или более человек, что, безусловно, веселило Бима и Бома.

Ходили слухи, что «припевочки» используются в королевских чертогах для развлечения. Плоды, снятые в разное время с яблонь, на короткое время то оставлялись без воды, то замачивались в ваннах с разными температурами, но при этом добивались великолепных хоровых партий: сопрано, альты, тенора, басы как а *carrella*, так и в сопровождении инструментов.

Бим и Бом на вопрос: «Куда же разом подевались из продажи яблоки?» – слышали в ответ от продавцов фруктами одно и то же: «Скупил щедрый Тим-Тили-Бим».

В поисках яблок братья направились в ближайшую область города Тирд: в те деревни, где в садах выращивали сочные плоды, чтобы прикупить пару мешков, чего уж говоря, даже не элитных и не популярных среди населения сортов «глаза режет» и «живот крутит». Бим и Бом обошли много садов, но везде, куда бы они ни заходили, получали один и тот же ответ «скупил щедрый Тим-Тили-Бим».

Бим и Бом чем дольше искали яблоки, тем сильнее обижались на Тим-Тили-Бима, который к их приезду, будь это городской или деревенский рынок, опережал их на пару часов и перед их прибытием скупал незамысловатый фрукт вне зависимости от качества плодов: от внешнего вида, свежести, размера, запаха и вкуса – и следовал далее по маршруту. Фермеры с удивлением рассказывали, что Тим-Тили-Бим просил продать и те плоды, что созревали и те, что опали с веток-пуповин.

Братья нашли выход из сложившейся ситуации – они решили отыскать того самого Тим-Тили-Бима.

Посетив очередной областной рынок при городе Тирд, Бим и Бом убедились, что последнее место, где имелась возможность купить яблоки найдено. Так как Тирд располагался далеко от других городов, они выяснили у праздношатающихся зевак, куда направился щедрый Тим-Тили-Бим после того как убедился, что скупил все яблоки в городе и его окрестностях. Тим-Тили-Бим оказался не местным жителем. Доделав дела, тот направился в порт Агата, из которого на корабле по морю Сим-Сим планировал вернуться обратно в город Миби-Миб.

Город Миби-Миб – ни самый близкий город к Тирду. Подогреваемые обидой за утрату приобрести крохи яблок из последнего урожая, Бим и Бом, не раздумывая, вернулись домой, собрали потребные вещи для краткосрочного похода и устремились на лошадях в порт Агата.

Путешествия между крупными поселениями «отдавали» храбростью, потому что кроме лихих сорвиголов и коммивояжёров редко кто срывался в межпространство, создаваемое не обузданной природой на завоеванных ей территориях, кучеряво и густо обтекающих обжитые города и области.

По дороге братьев накрывало несколько раз дождем из лягушек, от ударов бесхвостых земноводных у них образовались множественные синяки. Близнецам повезло, так как им на голову из туч не сваливались виды ядовитых жаб, покрытые особыми железами, кожные выделения которых крайне опасны для жизни, а ведь таких хватало – земля кишела от окраса лягушек, цвет которых варьировался от маскировочного бурого, зеленоватого и серого до ярчайших красных, жёлтых и чёрных цветов, сигнализирующих о ядовитости. Дождевая вода поднималась по щиколотку.

Лягушки, свалившиеся с неба, метали икру в воде. Из икринок тут же вылуплялись водные личинки, головастики, имеющие жабры и хвосты. Они за минуты проходили стадию метаморфоза, в конце которой превращались во взрослых особи. В то же время, другие даже не проходили стадию головастика – взрослые особи большинства видов, кто выпадал вместе с дождем – являлись хищниками, чья диета состояла из мелких беспозвоночных, поэтому они поглощали слабых и близких лягух.

Но дождь закончился, и братья, оставив лягушачий десант позади, выбрались к солнцу и через пару часов добрались до порта.

Там их ожидало разочарование: на персональном фрегате «Дмесьть» Тим-Тили-Бим уплыл. Братья принялись искать корабль, который сможет отправиться в плаванье до порта города Миби-Миб. Заодно проверили предпортовый рынок – яблоки с прилавков, как корова языком слизала.

Краткая неожиданная история про сезон водоросле-прилипания.

Никто из кораблей не бороздил водные глади в сезон водоросле-прилипания. Всё, что уверенно плавало или слабо держалось на воде, специально было посажено на мель или вытащено на берег по причине того, что морские водоросли отрастали до невероятных размеров и становились вкусными. Поэтому морские обитатели ими без конца лакомились, преимущественно отгрызая самое сочное – нижнюю часть, ризоиды.

Оставшаяся же часть, слоевище, поднималась со дна на поверхность и плавала, собираясь в густые кучки, от чего море становилось зелёного цвета. В течение семи дней повсеместно на поверхности моря водоросли ожидали проплывающий мимо предмет. Каравелла, шхуна, бриг, рыбацкая лодка или дерево, вырванное и брошенное ветром или другой предмет, имеющий неосторожность держать путь по морю, обрекались на гибель.

Как только этот момент наступал – проплывала, к примеру, каравелла, невероятное количество водорослей, задетые ей, начинали прилипать ко днищу своей жертвы с такой быстротой и яростью, что буквально за час корабль, рассчитанный на команду в сорок человек, сбавлял свой ход, так как терял маневренность из-за блокировки балансировочных рулей, и в результате получал утяжеление из-за прилипшихся водорослей к обшивке судна и начинал идти на дно, а тем временем они продолжали зелёной кашей карабкаться по обшивке наверх, захватывая новые территории.

Новые порции поднявшихся со дна водорослей принимались за его бока, корабль ещё глубже погружался в воду, открывая новые места для присасывания водорослей, и вот уже живая плоть из них кашеобразно перебрасывалась через борта, захватывая палубу. Водоросли не боялись воздуха и солнца, потому что, карабкаясь вверх по растительным телам своих товарищей, приносили с собой в многочисленных отростках морскую воду. По пути она освежала их, тем самым создавая дружелюбную атмосферу соленой влаги.

Команда корабля в спешке собиралась в группы, кто-то из экипажа, ища спасения, в одиночку лез на мачты. Но зелёная каша проникала в нутро корабля, полностью заполняя собой пространство. И тогда корабль сдавался, отдавая водорослям всего себя, и не прошло и пару часов, как он под тяжестью забитых кают погружался на дно морское.

За эти пару часов команда корабля пережила ужасающие испытания. В попытке спастись, она пересаживалась на спасательные шлюпки, которые почти в тот же миг также атакывались водорослями, намертво приликая не только ко дну, но и к одежде людей. Попытки их срезать саблями или ножом с боков шлюпок, отрубить топором или отбить молотом заканчивались тем же – водоросли оборачивали угрожавший им предмет там, где его ни касалась рука человека. Утяжелив его, они грозили утянуть на дно моряка, имевшего храбрость не отпускать увеличивающееся в размерах оружие. Когда и его бросали не в силах удержать, тогда водоросли под своей тяжестью увлакивали к себе домой, на дно морское.

От одежды, пропитанной водорослями, также приходилось экстренно избавляться. Моряки отбрасывали её от себя подальше, чтобы не пойти следом за ней на дно, и одежда чуть медленнее, чем корабль, лодка или оружие под тяжестью зелёной растительности, упорно погружалась в соленую воду. Люди – единственное, что не интересовало водорослей. Оставшись без пресной воды, пропитания, шлюпок или чего-либо, помогающего продержаться на плаву и поддержать силы, команда корабля была обречена на гибель.

Историй о том, что в период водоросле-прилипания в море пропадали корабли с командами и пассажирами, хватало с лихвой, даже рыбаки переставали удить рыбу с берега, так как леску с грузилом также облепляли килограммы неугомонных растений и утягивали вместе с удочкой на дно морское.

Поэтому прибывшие в порт те же коммивояжеры на предложения о большом денежном вознаграждении за возможность срочно отплыть в море в эти дни, получали решительный отказ от капитанов судов любого водоизмещения.

Бим и Бом в опустевшем порту встретили пьяного скучающего моряка, посоветовавшего обратиться к капитану парусного судна «Заборта», отдыхающего в порту Агаты после очередного плавания. По его словам, судно не боялось ни плохой погоды, ни морской флоры и фауны, так как носило на бортах заклинания магов, обитающих в замке из горного хрусталя. Заклинания позволяли судну развивать сумасшедшую скорость, скользя по волнам, избегать прилипания водорослей, домогательств морских крупных хищников, трясок в шторм и уйти от погони, промышляющей пиратством.

Братья пешком дошли до капитана судна «Заборта», он сидел на берегу и перекусывал бобовым супом. Судно, рассчитанное на команду из пяти человек, посаженное на якорь, дрейфовало здесь же. Водоросли держались в пяти шагах от судна с рейковым типом парусного вооружения.

Капитана звали Сза. Он, несмотря на то, что сезон водоросле-прилипания был открыт и его услуги для торговцев, спешащих незамедлительно совершить прибыльные сделки в далеко лежащих городах и для редких путешественников, спешащих незамедлительно получить эмоции от свежих открытий в прошлые года, казались бесценны. В текущем же году он без толку проводил свое время, так как люди научились планировать и откладывать морские передвижения в сезон водоросле-прилипания.

Бим и Бом оказались теми, кто не смог позволить отложить поездку, пришлось серьезно раскошелиться, оплачивая услуги Сза. Трата их не заботила, волновало их то, что с неизвестными намерениями был Тим-Тили-Бим, и он мог каждый сезон наведываться в их родные края и скупать полный объем полученного урожая яблок.

Оставив лошадей в порту на постой, братья пересели в судно «Заборта», пристегнувшись кожаными ремнями к пассажирским креслам, располагавшимися посередине палубы и, благодаря шкиперскому умению Сза, поймали в парус сильный попутный ветер и скоро помчались по морю Сим-Сим в порт Роги.

Свежий холодный ветер бил их по лицу, когда в небе чуть впереди, закружили кучевые облака, создавая шестиугольную призму из густого пара. Далее в середине призмы показалось поле, покрытое луговым фиолетовым клевером, и тут же исчезло под набежавшей порции пара. Вылетела отрубленная голова рыбы Риньет, а за ней обезглавленная туша и затем ещё одна рыба Риньет с разрубленным брюхом. Обе рыбы падали с неба в море, как смертельно раненная птица, проигравшая бой сама с собой. Упав в море, они исчезли из зоны видимости, и странные кучевые облака пропали так же внезапно, как и появились. Их сменило безоблачное небо.

Спустя ночь, Сза выполнил свое обещание и доставил Бима и Бома так быстро, что судно вскоре прибыло в порт Роги на следующее утро.

В это самое время фрегата «Дмесьть» спешно втягивали на берег, с боков её облепила масса водорослей, старающаяся подняться вверх, но чем дальше фрегата под усилиями портовых работяг заползала на берег, тем бессмысленнее становилась битва водорослей за корабль. В итоге к кораблю перестали из моря сползаться водоросли, оставив товарищей засыхать на шикарных боках фрегаты.

Бим и Бом с необычным интересом наблюдали за этим зрелищем, пока Сза их не одернул. Он пообещал братьям дожидаться их возвращения, но не более двух дней, и сразу ушел в портовую харчевню подкрепиться.

Удивительным для местных портовых показалось, что Сза не попросил работяг поскорее втянуть его судно на берег, пришвартовавшись, чем вызвал массу внимания праздношатающегося народа.

«Интересно узнать, что уберегло корабль Тим-Тили-Бим по дороге от безумных водорослей?» – вслух сказал Бим, и братья отправились искать его хозяина.

Дом Тим-Тили-Бима оказался необычайно богатым, так подсказали в порту, поэтому Бим и Бом без труда его разыскали. Двухэтажный голубого цвета дворец, стоящий на берегу моря Сим-Сим, самый высокий и светлый из примыкающих соседских построек.

Величественный, обнесенный высоким металлическим решетчатым забором, он смехотворно создавал препятствия на пути братьев, так как ворота были раскрыты нараспашку.

Дворец оказался не таким привлекательным внутри, вход на территорию не охранялся. С отсутствующим персоналом он оценивался братьями, как опустошенный. На просторной территории воцарился легкий хаос:

- различные, наспех брошенные вещи покрывали каменную площадь у дворца – пару застиранных жёлтых спереди и коричневых сзади подштанников, ботинок со стертым носом, с десятков рваных гольфов и лопнувший ночной горшок;

- фонтан, изящно раскинутый в центре двора, не играл струйками воды, как ему предназначалось в солнечные дни для свежести, так как механизм, отвечающий за движение струек, был отключен, вода в фонтане зацвела и источала вонь, и в ней поселились лягушки;

- кустарник, ранее бережно подстриженный, потерял форму и заплыл безвкусными кудряшками;

- из неуместно наваленной кучи сена рядом с фонтаном жрали две стоявшие не распряжённые лошади, каждая по чуть-чуть тянущая за собой телегу, наполненную яблоками.

В-первую очередь братья особое внимание уделили лошадям – крайне выносливая и редчайшая порода лошадей, Ксир, в состоянии тянуть за собой тонны грузов, скакать со скоростью, доступной только фрегате в предштормовую погоду, в быту неприхотливы, срок жизни их достигал двести лет. Каждая лошадь по стоимости была равна трем дворцам Тим-Тили-Бима, а возможно ещё выше, так как Ксир никто не видел много лет. Братья с уважением приблизились к лошадям, распрягли их, освободив от телег, и выгнали постись за пределы дворца, понимая, что лошади будут преданно щипать травку неподалеку.

Во-вторую очередь братья обратили внимание на телеги длиной в тридцать шагов: они умещали невероятное количество мешков с яблоками, тех самых, которые были скуплены в городе Тирд и его области. Это подтверждалось тем, что из телег слышалось хоровое пение, там, теряя влагу, вибрировали «припевочки», выращенные исключительно в области Тирда.

В-третью очередь братья обратили внимание на ведущую во дворец двухстворчатую мощную дверь, с маленьким шедевром – ручным молотком в виде книги с пером. Пышный молоток в виде кольца, образованный от объединения лавровых венков, прикрепленных к основе – книги с пером, занимал доминирующую позицию в общем облике фасада дворца. Бом постучал замысловатым механизмом в дверь, тем самым оповещая о своем приходе, и глухой звук наполнил кричащим изобилием пустующий дворец.

Дверь открыл остроносый синеглазый мужчина с длинными седыми волосами.

Бим и Бом подхватили Тим-Тили-Бима за подмышки, приподняли, легонько приложили к двери и разом спросили:

- Как зовут тебя, старче?

- Тим-Тили-Бим.

– Мы тебя искали. Признавайся, по-хорошему, без насилия, для чего ты скупил яблоки в Тирде?

Заплакал Тим-Тили-Бим и чуть позже, успокоившись, рассказал о причинах безумного шопинга.

Краткая неожиданная история про похищение.

В плодовой сад Тим-Тили-Бима два месяца назад залетело чудище полакомиться яблоками. Непонятно, откуда оно прилетело: город Миби-Миб отродясь славился тем, что являлся беззаботным и счастливым пунктом для наслаждения и размеренного спокойствия. Наевшись вдоволь плодами колоновидных деревьев, монстр схватил грязными когтистыми лапами его любимую дочку Бимбочку, когда та выгуливала на близлежащей полянке собачку Миму. Поднялось на трех крыльях чудище над садом высоко, чтобы Тим-Тили-Бим смог из окна рабочего кабинета рассмотреть его и плененную Бимбочку, и грозно закричало человеческим голосом:

«Захочешь вернуть дочь – принеси мне столько яблок, чтобы ими можно было полностью завалить пещеру, в которой я обитаю. Пещеру ищи на высокой скале в севере от сюда, её не спутать с другими – из её верхушки круглосуточно выходит пар. Часть яблок жду сегодня, к вечеру. Оставь их рядом со скалой!»

И улетело чудище, унося наследницу замка.

Тим-Тили-Бим приказал садовникам собрать те яблоки в саду, что не сожрало чудище, а осталось их не мало – с десятков мешков. Когда все было сделано, и плоды разложили в мешки, Тим-Тили-Бим попросил слуг погрузить это в телегу и охрану доставить их к той высокой скале, из недр которой поднимался пар. С высоты птичьего полета сверху эти скалы, почти прижимаясь, образовывали полукруг, а с земли отпугивали холодным величием и не привлекали проходимцев.

Охрана отказалась исполнять приказ, с болью вспоминая, как недавно в небе на трех коротких крыльях туша размером в пять лошадей с широкой пастью и с когтистыми бородавчатыми толстыми и короткими лапами, беззаботно парила и рычала на владельца замка. Она была не готова к случаю, если при доставке яблок возникнет необходимость сражаться с чудищем, и понимала, что нарушит присягу, данную при поступлении на службу к Тим-Тили-Биму. Неожиданно охрана покинула замок. А ведь она славилась отменной смелостью во всем городе Миби-Миб и его окрестностях.

Тим-Тили-Бим обратился с тем же поручением к слугам, они, услышав его, тут же испуганно разбежались, разнося дурную весть о похищении дочери Тим-Тили-Бима.

Тогда Тим-Тили-Бим запряг лошадей в телегу и отвез мешки с яблоками к высокой скале на севере от города, единственной, из верхушки которой поднимался пар, выгрузил из телеги мешки и вернулся домой.

На следующий день Тим-Тили-Бим оправился на главную площадь, к памятнику Бабуму, основателю города, и как один из самых уважаемых жителей города, выступил с просьбой о помощи изловить и казнить чудище, освободив Бимбочку, пообещал щедрое вознаграждение. Когда он не увидел оптимизма на лицах пришедших, то просто попросил найти необходимое количество яблок.

Жители Миби-Миб, выслушав его просьбу, молча принесли столько яблок, сколько нашлось в садах города и области. Упаковали они плоды в мешки и сложили их на каменную мостовую, давая понять, что готовы оказать поддержку уважаемому жителю города, но не собираются героизировать.

Спустя день Тим-Тили-Бим осознал, что величина вознаграждения, позволяющего десяток лет наслаждаться простыми удовольствиями, пренебрегая работой, и объявленное

за освобождение дочери, не нашла желающих. Хотя он ещё немного надеялся, что слухи о щедром вознаграждении разнесутся по близлежащим городам, и найдутся добровольцы, готовые выволить Бимбочку не сбором позорной дани, а силой. Время шло, но ситуация не менялась, Тим-Тили-Бим снова отвез на телеге мешки с яблоками к пещере чудища.

Вечером, когда Тим-Тили-Бим сидел у окна, то снова увидел чудище громогласно кричащее новое требование:

«Мало, мало, мало, ты собрал яблок! Неси яблок, долго ждать не стану! Не жалко тебе дочь!»

Крик долетел до части города, у хлипких домов затряслись стены. Жители, напуганные рассказами о чудище, ужаснулись и попрятались по подвалам домов.

Поговаривали, что мудрый старец города Миби-Миб, по имени Оджо, услышав описание чудища, покопался в книжках, собираемых по молодости, рассказывающих о мерзких созданиях во всем государстве Имбонг. В одной из потертых годами книг шла речь о Чудище Пучеглазом, так похожем на описание, полученное от прислуги и охраны Тим-Тили-Бима. Оказывается, эта тварь являлась сыном Гидры: огромной чешуйчатой трехголовой змеи с двумя широчайшими крыльями вдоль удлиненного тела и Крысьяка, размером с двух лошадей, жившей под землей и питавшейся маленькими подземными людьми.

Чудище Пучеглазое наследовало кожу и хитрость от матери, Гидры, змееподобной и слизкой, поэтому добывал пропитание обманом, характер и размеры от отца, Крысьяка, поэтому обитал в пещерах скал и обладал нетерпением и раздражением. Чудище, в отличие от матери и отца, умел имитировать человеческую речь, чем и пользовался постоянно, вымогая у жертвы еду, беря в заложники его родственников, а если его желания не исполнялись, мог в припадке дикого расстройства разорвать обидчика в клочья.

Жители Миби-Миб в спешке покидали родной город, кишащий не спокойствием, оставив Тим-Тили-Бима наедине с чудовищем.

Тим-Тили-Бим объездил область города, собирая яблоки в брошенных фруктовых садах, но вскоре и они, отдав последние плоды, опустели.

Чудище Пучеглазое раз в три дня прилетало к замку Тим-Тили-Биму, громогласно крича затертое требование о том, как мало яблок. Жадность правило Чудищем Пучеглазым. Тим-Тили-Биму излишним было напоминать, что Пучеглазый держал в заложниках Бимбочку ни ради одноразового выкупа, он требовал постоянно его кормить. Отец начал поиск пищи для мерзкого создания, надеясь, что вскоре найдутся герои, которые смогут разобраться с Пучеглазым.

Жители ближайшего города Шири-Шир продавали Тим-Тили-Биму по мере сбора урожай яблок, но вскоре сладкие плоды заканчивались и там тоже.

Чуть дальше города Шири-Шир через море находился город Тирд, ситуация вынуждала направиться за яблоками именно в этот город.

– Сегодня я готовлюсь вечером снова отвести к скале яблоки, – печально закончил Тим-Тили-Бим.

– Почему же ты не сразишься с Чудищем Пучеглазым? – спросили Бим и Бом, разжав крепкую хватку и освободив Тим-Тили-Бима из железного замка своих сильных рук.

– Я боюсь чудища не меньше других... Я не воин, не умею драться, не умею стрелять из лука и неумело обращаюсь с мечом. Я – ученый в приходской школе, не дрался ни в институте... – жалобно ответил Тим-Тили-Бим и опустил голову.

Бим и Бом переглянулись и спросили в один голос:

– Много ли яблок ты скупил в нашем городе?

– Если их сложить в мешки, то заполнятся двести штук. – Ответил Тим-Тили-Бим и уставился на своих незваных гостей. – Вы же видели две телеги – точно не определишь.

Бим и Бом переглянулись и спросили в один голос:

– Ну а если представить, что твою дочь мы спасем от чудища, куда ты одеваешь яблок, неужели скушаешь?

Тим-Тили-Бим, поняв заинтересованность Бима и Бома, ответил:

– Конечно, отдам их спасителям дочери...

– На таких условиях мы постараемся тебе помочь. Мы ребята не боязливые. Когда ловим рыбу в реке Нудот, бывает в шторм попадаем, а ты видел, чтобы в реке шторм был? – Спросил Бим и, не дожидаясь ответа, продолжил нахваливать себя и брата. – Во-о-от, а мы видели и неоднократно выбирались из него. Бывает, рыба хищная клюнет, проглотив наживку, и таскает за леску нашу лодку неделю по реке, а мы её раз и поймаем. А рыбачим мы в реке с детства. Рыбы переловили – хватило дом построить и лошадей купить. Если бы не последний урожай яблок, то не взялись бы за крайне опасное дело.

Не поверил поначалу их словам Тим-Тили-Бим – с виду пареньки крепкие, разве что вразумительно болтают – значит не шибко к физическому труду приучены. Но вспомнил, что про реку Нудот рассказывают матерые рыбаки и повеселел – река Нудот славится тем, что рыбы в ней разной и вкусной водится – всю не переловишь, да ловить её не каждый сможет, много рыбаков пропало без вести в реке. Говорили даже, что река Нудот – живая, а рыба в ней – её кровь. И всем, тем, кто кровь у неё забирает, река мстит. Если Бим и Бом рыбачат в ней с детства, значит опытные, смелые и ловкие. Появилась надежда на спасение Бимбочки.

Бим и Бом попросили Тим-Тили-Бима поискать оружие в замке, сами остались ждать у двери. К удивлению Бима и Бома нашелся меч, остальное оружие охрана по неизвестной причине при бегстве забрала. Меч из белого камня оказался с остро заточенным клинком с металлическим эфесом.

Братья решили взять с собой телегу с яблоками, как прикрытия – если бы их встретило Чудище Пучеглазое, то братья бы прикинулись сопровождающими груз. Они запрягать телегу не стали, решили толкать её сами, чтобы по дороге до скалы разогреть мышцы, чем вызвали у Тим-Тили-Бим очередное восхищение. Бим вооружился мечом из белого камня, у Бома при себе имелся топор.

Тим-Тили-Бим неожиданно предложил братьям примерить старые, запыленные временем серого цвета сапожки, которые принес из замка вместе с мечом.

Удивились Бим и Бом такому предложению. Говорит им тогда Тим-Тили-Бим:

«Непростые сапожки. Тем, кто их наденет сила в ноги приходит такая, что бегать можно быстрее лошади, почти как ветер».

Примерил сапожки Бим и попробовал в них пробежаться, действительно, стал он бегать словно ветер в холодную промозглую ночь, только пятки сверкают, несколько раз подпрыгнул в высоту и поразился скорости прыжка. Подивились таким сапожкам братья и говорят Тим-Тили-Биму:

– Странный ты человек, Тим-Тили-Бим! С такими волшебными сапожками тебе, наверно, самому получилось бы одолеть Чудище Пучеглазое, даже не имея навыков воина. А если бы не получилось его одолеть, то удалось бы сбежать от него. И Чудище Пучеглазое не успело бы тебя как следует разглядеть.

– Не могу рисковать, ведь у него дочь моя!

– А откуда же у тебя эти сапожки?

– Вам действительно сейчас надо знать? Я позже расскажу, после того как вызволите мою дочь из плена.

– Уважаемый Тим-Тили-Бим, нам надо знать их происхождение до схватки с Пучеглазым! Ведь мы не понимаем, с какой точностью сапожки работают, и когда они устанут и перестанут работать. – Уверенно заявил Бим.

– А заодно расскажите про меч из белого камня. – Добавил Бом. – Что-то с ним не так... Он острый как зуб рыбы Риньет, обитающей в Нудоте.

– Действительно, клинок меча – зуб рыбы Риньет с приделанным эфесом. Сапожки сшиты из кожи Гнота. – ответил Тим-Тили-Бим. – Я сам ни так много знаю. Ну тогда слушайте. Дело бы так.

Краткая неожиданная история про подземную реку Етролиум.

Мой отец, Толь-Толи-Бом, занимался перепродажей товаров. Промысел коммивояжёра давал необычайно высокий доход, и как только отец подсчитал, что сколотил огромное состояние, то бросил заниматься перепродажей. На заработанное скупил у местных фермеров окраины города Поставк почти всю землю и занялся земледелием. Он нанял к себе на работу тех же работяг, оставив им их дома, и нанял около двухсот помощников из близлежащих деревенских областей, отдав им дома фермеров, отказавшихся работать на него и посему покинувших земли, отныне принадлежавшие отцу.

Огромную территорию, по его распоряжению, фермеры-работяги готовили для посадки под разные сорта овощей, для высадки ягодных и фруктовых кустарников и деревьев, строили склады для хранения будущих урожаев; существующие дороги расширяли и укрепляли, засыпая битым камнем.

В то время, как фермера только распахивали земли под саженцы, отец приказал им ни сеять и ни сажать до его возвращения из-за поездки. Сам отправился в порт Агата, к рыбакам, ходившим под парусами по морю Сим-Сим. Отец прибыл ровно перед началом водоросле-прилипания и заказал у рыбаков пятьдесят тонн этих морских растений.

Никто из рыбаков не понимал для чего потребовались буйные водоросли, но жажда заработать в мертвый сезон, длившийся целую неделю, победила страх, и рыбаки проявили сноровку: раздевались догола, заходили в воду, останавливаясь буквально в метре от берега, придерживая рядом с собой деревянную бочку на пятьдесят литров.

Водоросли, учуяв добычу, тут же подплывали к бочке, облепляли её; затем залазили на неё, переваливались через края и жадно заполняли её, погружая в воду. Рыбакам оставалось дожидаться, когда водоросли полностью затопят бочку. Когда она наполнялась, то сразу погружалась на дно, и рыбаки вдвоем-втроем вытаскивали её на берег. Тут же морские растения успокаивались, так как солнечные лучи и воздух был для них смертельными – они испаряли влагу.

Рыбаки, закрывали бочку крышкой, спасая водоросли от гибели. Они же, облепивши снаружи бочку, подсыхали и отваливались. Потом брались за другую бочку, и процедура повторялась. Когда в прибрежных водах заканчивались водоросли, рыбаки заплывали в море поглубже, собирали их руками и тянули к берегу, к бочке, привлекая внимание расположившихся неподалеку водорослей.

Поговаривали, что рыбаки в первые два дня так очистили море от наплыва растений, что пару дней метров за сто от берега можно было отходить на лодке, чтобы порыбачить и не беспокоить жадных до лодок водорослей.

Когда отец привез сто бочек на окраину города Поставк, они были вскрыты, руками фермеров измельчены в кашу и ими щедро подкармливали посаженные растения. После такого удобрения к концу сезона посевы начали расти как на дрожжах, кустарники обсыпало ягодами, ветки фруктовых деревьев нагибались под тяжестью плодов.

Молодые кустарники ежедневно прибавляли в росте и давали плоды на ровне со взрослыми деревьями.

Первый урожай был настолько обильным, что после его продажи отец стал называть себя «богаче богатого». Буквально за год он создал пищевую империю, поставляя вкуснейшие плоды фруктов, овощей и ягод во все ближайшие города; фермеры в поисках работы

стекались к его разрастающемуся хозяйству, которое нуждалось в увеличении наемной силы. В таком режиме прошло несколько лет. И это сулило детям и внукам отца богатую и размеренную жизнь.

Как-то раз «богач», который всегда лично каждый день объезжал свои владения, заметил у края одной из многочисленных плантаций, граничившей с густым лесом, движение. В видимой близости никого из фермеров не было, так как он всегда специально объезжал хозяйство в то время, когда работники уходили на ужин и своим присутствием не отвлекали его от главного – поиска недочетов в земледельческом ремесле.

Присмотревшись, он убедился, что движение исходило от земли, на которой росли молодые побеги картошки. Земля как будто дышала, приподнимаясь и опускаясь, как при землетрясении. Не побоявшись, отец поспешил приблизиться к месту движения. Он обнаружил, что шевеление прекратилось, но заметил, как будто нору – это обвалилась земля в проходе, вырытом неведомой силой под землей, где-то углубляясь от поверхности, а где-то значительно прилегая к ней.

Обвал позволял спуститься, отец беспрепятственно спрыгнул в него, но проход был настолько широк, что отец, заинтересовавшись происходящим, в одиночку пошёл по нему. Света не хватало. Он шагал вперед, вытянув руки перед собой, чтобы не влететь в стену, вырытую в плодородной и оттого жирной земле, и испачкаться. Проход немного плутал, и отец порядком устал, идя по нему. И он решил продолжать до тех пор, пока хватает воздуха, и как только он про это подумал, впереди замаячил свет, и отец прибавил шаг. Чуть-чуть становилось светлее, и когда стало совсем светло он осмотрелся. Свет исходил от факелов, изредка, с расстоянием в шестьдесят шагов развешенных на корнях растений и деревьев, они свысока и равнодушно на него взирали. Земляные стены, изрезанные корнями, сменялись то на песочные, то на глиняные, то возвращались земляные, подсказывая отцу, что он не столько долго шёл, сколько глубоко погружался.

Отец поежился от нараставшей сырости и продолжил путь вперед. Его не пугало то, что он мог бы увидеть, потому что когда занимался перепродажей товаров, то в поисках покупателей ему приходилось бывать в таких местах, до которых другие продавцы не то, чтобы ленились добраться и сбыть свой товар подороже, они даже и не думали об этом, потому что дорожили своей личной свободой и жизнью. А отец понимал, что в условиях такой жесткой конкуренции ему могла бы помочь именно торговля в таких местах, и поэтому для этого требовалось приобрести силу воли на постоянную борьбу со страхом.

Отец подогревал до степени крайней одержимости безумное желание увидеть то, что редко мог лицезреть случайный турист, и где редко бывал иностранец. Тогда желание, подкрепленное внутренними монологами об восхитительных краях, становилось сильнее, чем холодный страх перед неизведанным, и он пускался в путь.

Каждый раз возвращаясь из поездки, получив сверх прибыли от проданного товара, он рассказывал много интересных историй, которые сводились к одной, как отец затмил страх и кроме работы наслаждался уникальными пейзажами, людьми и событиями.

Вот и теперь он был иностранцем в стране под названием глубокая нора и шёл, борясь с забытым страхом, страхом, не потерявшим сноровку, вызывающим у тела липкий пот и заставляющим тяжелеть ноги. Отец ни останавливался, интуитивно полагая, что, если его занесло в эту нору, то значит надо идти, надо понять, что там впереди, потому что приобретенное там впереди знание подскажет ориентир, даст подсказку в будущее. Уж отец знал алгоритм, сопровождающий его по жизни, как свои пять пальцев правой руки. В его жизни случайностей не водилось.

Продолжая путь, отец напряг нюх и слух так сильно, чтобы почувствовать опасность, прежде чем она предстанет, выпрыгнув перед ним. Теперь он снова вытягивал перед собой руки; только в правой – держал остро наточенный нож, тот нож, который сопровождал его с

тех пор, как он продал в стране Рез свой первый товар – глиняные горшки, жадно скупленные местными жителями по причине отсутствия глины в тех краях.

Отец не надеялся, что в этой норе нож ему понадобится, в отличие от его коммерческих поездок в молодости. Но он верил, что между глиной в норе и той глиной, из которой были сделаны первые проданные им горшки есть крепкая связь, проверить которую он может только сам и только в самое ближайшее время.

Он услышал шепот и остановился, прижавшись к стене. Переждав, когда шепот прекратится, он продолжил идти, но старался шагать по липкому полу норы как можно тише. Когда появился свет, отец прилег на пол, от чего стал незаметен для тех, кто находился впереди, за тридцать шагов, в тупике норы.

Нора впереди в последний раз расширилась до невозможности так, что вмещала в себя того, кто её вырыл – огромного червя размером с тридцать лошадей, способного проглотить с двух десятков человек; свернувшийся кольцами, он безглазой мордой тыкал в пол перед собой, между ним и источником шепота – седоволосым мужиком, одетым в белую рубаху и кожаные штаны.

От тыканья мордой земля перед червем становилась мягкой и провалилась, открыв подземный поток из чёрной, как ночь жидкости. Жидкость постоянно двигалась, подрагивала, уходя в недра земли, от чего блестела от попадания на её колеблющиеся бока света факелов. Седоволосый мужчина перестал шептать и шикнул на червя. Червь тут же уполз, прорывая для себя новый, менее широкий проход. Когда он скрылся в проходе, то умело вырытый проход за ним завалило, как будто его никогда не было. Червь уполз в земляные пространства.

Отец, крайне удивленный происходящим, знал, что приручить вот такого червя никому бы и никогда ни удалось только по той уже причине, что никто не допускал существования такого глубинного зверя. Спрятанная же в недрах земли речка с чёрной водой казалась сложным механизмом неизведанного мира подземного царства из разряда тяжелых величин.

Седоволосый мужик перевел внимание на поток чёрной жидкости, засмеялся алчным смехом и затем прокричал, опуская руки в чёрную жижу:

«Хочу золота, богатства хочу, дай мне это!!!»

Он долго шарил руками в жиже, как будто искал в ней что-то и, когда вытащил руки из жижи, то в обоих кулаках держал по золотому самородку, оба величиной с лошадиную голову. Седоволосый снова засмеялся, добавив нотки победителя, небрежно отбросил богатый улов и снова опустил руки в поток чёрной жидкости и снова закричал:

«Хочу золота, богатства хочу, дай мне это!!!»

И снова достал по золотому самородку, оба величиной с лошадиную голову, но в отличие от первого погружения рук в жижу, в этот раз он вытащил самородки быстрее и небрежно бросил их за спину, не тратя времени. Так повторялось множество раз до тех пор, пока улов по бокам мужика и за его спиной вырос в кучу высотой по плечи. Иногда оглядываясь на растущее богатство, мужик смеялся, предвидя как им предстоит распорядиться.

В какой-то момент отцу показалось, что золотые самородки, небрежно отбрасываемые седоволосым, погребут под собой мужика. Несколько раз отец, потеряв счёт времени, засыпал лежа на полу норы от повторяющегося и скучного диалога мужика и чёрной жижи.

В очередной раз, когда седоволосый доставал из жижи самородки, отец понимал, что тот перестал обращать внимание на улов, он захвачен общением с плодоносной жижей. Отец уже не прятался – он, стоя в полный рост, наблюдал за чудом – как из тёмной воды, подобия фонтана желаний, непростой людишка вытаскивает себе небывалые подарки.

Стены норы стали под давлением смеха, возникающего каждый раз, когда седоволосый доставал самородки, сотрясаться сильнее, и в какой-то момент с её потолка посыпалась

земля. Седоволосый как будто опомнился, перестал «заглатывать» богатства, перестал смеяться и, засунув руки, в жижу пожелал:

«Хочу двух лошадей породы Ксир с телегами длиной в десять шагов и тонкими, как скамья, чтобы могли пройти по норе!» – Потянул руки из жижи, в которых были зажаты поводья, поэтому мужчина встал в полный рост и стал отходить от фонтана изобилия, вытягивая из него двух лошадей с телегами.

Отец с трудом успел привыкнуть к тому, что седовласый, как созревшую морковь из грядки, вытягивал самородки из жижи, но когда седовласый ловко из неё же вытянул пару отменных живых скакунов, тянущих за собой по телеге, то в его глазах слава жижи так ярко вспыхнула, что на долю секунды отец потерял рассудок, и когда он к нему вернулся, он совсем потерял страх – его заменило то чувство, когда ты присутствуешь при восхитительном чуде, и оно объединяет всех участников независимо от их целей.

С потолка продолжала угрожающе сыпаться земля, поэтому мужчина заторопился: стал быстро кидать в телеги золотые самородки. Седоволосый, загружая в телеги разбросанное богатство, не замечал отца, который прижимаясь к стене, аккуратно стал огибать седовласого и подкрадываться к жиже: потому что отец решил, что ему тоже надо пожелать для себя того чего он сам, как человек, не мог себе обещать. Бояться же седоволосого отец не мог и не хотел по нескольким причинам: седоволосый занимался погрузкой золота в телеги, чтобы покинуть дрожащую нестабильную нору, грозившуюся осыпаться; отец, пока лежал на полу норы измазался с ног до головы землей и глиной и был плохо замечен на фоне происходящей тряски, спешащей обвалить стены, засыпать пол, завалив нору. Отец отошел от стены и приблизился к жиже, отбросил нож, присел и опустил в неё руки. Горло пересохло от волнения, и поэтому он не сразу произнес того, чего ему так хотелось.

Седоволосый заметил отца тогда, когда, забросив самородки в обе телеги, запрыгнул на одного Ксира и обернулся на жижу, чтобы в последний раз взглянуть на то, что так сильно изменило его жизнь.

Будучи молодым, он услышал историю о том, как стать богатейшим, найдя речку, спрятанную в недрах земли. Для этого он начал с истока: заставил себя пуститься на поиск книги древних магов; найдя одну из книг, перевел её с корявого и убогого языка полуграмотных магов, выделив и поняв сокровенную тайну, объясняющую по каким признакам обнаружить червя новорожденного Простода в скалистой местности; выкормить и приучить червя и после, на его языке попросить найти речку Етролиум, исполняющей любые желания, так долго насколько хватало сил просящего. После того как Простода открывал небольшой участок подземной реки Етролиум, то, будучи ранее прирученным и привязанным к хозяину, он получал полную свободу, это было безоговорочным условием сделки между человеком и червем; как ни грустно было прощаться с червем, служившим ему верой и правдой, даря ему свободу коротким и противным шипением. И вот длительный поиск закончен, с подаренными речкой самородками его ожидала беспечная и веселая жизнь. Оставался последний рывок. Выбраться из земляной норы.

Седоволосый также научился тому, как избежать смерти у реки Етролиум, которая пленила любого просящего безграничным исполнением желаний, превращая в считанные минуты просящего в раба, и не отпускала до тех пор, пока одолеваемый жадностью просящий, не в силах будет самостоятельно покинуть её, лишенный питания и питья, продолжал желать до тех пор, пока не терял последние жизненные силы и умирал от истощения. И река Етролиум, дерзко смеясь, меняла направление своего текущего течения, унося жизненные силы погибшего просящего и усыхая в том месте, где её, ранее ещё живому просящему удалось найти и откопать, умело поймав её ловкие подземные передвижения. Чтобы не окатиться в таком положении седоволосый научился смеяться таким образом, чтобы смех постепенно разрушал потолок и стены свежерытой норы, приводя в конечном итоге к завалу

норы. И сейчас сыплющая на голову земля трезвила его и подстегивала покинуть нору как можно скорее, ища спасения снаружи.

Увидев отца, седоволосый, понимая, что неожиданно увидел «прихлебателя» на созданном им празднике жизни, засмеялся громче, усиливая тряску, чем вызвал обвал норы в тупике. Седоволосый перестарался, смех лишний раз заставлял содрогнуться стены и потолок, но, не желая делить дары реки, седоволосый пошёл на риск быть погребённым заживо преждевременно, чем сам успеет покинуть нору. Осознав, что поступил опрометчиво и погибать не входило в его планы, он с обеими лошадьми породы Ксира, что было мочи немедленно поскакал к тому выходу, через который Простода начинал рыть земляную нору – из-за её узкости первой шла лошадь с восседающим на ней седоволосым, следом послушно следовала вторая телега.

Отец не обращал внимания на седоволосого, на то, как тот покинул тупик норы и усиливающийся землепад. Он, прокашлявшись, отчетливо произнес:

«Хочу, чтобы мой род никогда не прекращал своего существования, дай мне это!!!»

Руки его тут же потяжелели. Отец вынул их из воды и увидел в них сапожки и меч. Приняв дары на веру, не думая ни секунды, он снял свои ботинки, надел сапоги и бросился догонять седовласого. Побежал и сразу почувствовал, как сапожки набирают невероятную скорость, благодаря которой можно было бегать по стенам или по потолку вверх головой, скользя как ветер. И такая скорость была кстати, потому что стены, следуя за ним, стали складываться, и потолок обрушаться, накрывая тяжелым грузом то пространство, что было старательно вырыто червем Простодой.

Отец, бежав по потолку пещеры, нагнал кортеж седовласого через пару секунд: поравнявшись со второй телегой, свободной рукой он схватил с телеги один самородок и побежал по стене норы далее, понимая, что любое промедление приведет к гибели – стены и потолок осыпались за ним неудержимо и его спину иногда хлестало клубами земли, кусками глины и мелкими камешками. Из-за мельчайших кусочков земли дышать становилось тяжело.

Поравнявшись с седоволосым, отцу хотелось обернуться и показать высунутый язык, как делают маленькие дети, дразнящие друг друга, но неровные стены пещеры не позволили отцу отвлечься по пустякам на глупости, и он продолжил бег по стенке, будучи крайне внимательным ко всему: резво встречающимся под ногами корням и неровностям, образующимся от приближающей тряски.

Отец через минуту выбрался наружу, вылетев как ветер из того обвала, что позволил ему ранее спуститься в нору. Он остановился недалеко от того места, заглядывая в него, рассчитывая понаблюдать за тем, удастся ли седоволосому проскочить обвал и двинуться к спасительному выходу, который позволит выпустить бьющихся лошадей в диком азарте выжить, тянущих тяготеющих их телеги, золото и новоиспеченного хозяина.

Ему не пришлось долго ждать, потолок норы продолжал обваливаться, приводя в шевеление землю под ногами отца, подталкивая седовласого прибавить ходу.

Из обвала выскочила Ксир в узде, без телеги с золотом и седовласым мужиком, следом второй Ксир в узде, без телеги с золотом.

Отец походил около завала некоторое время, рассчитывая увидеть хоть беглое движение, но оказалось напрасно, лошади Ксир избавились от груза, затрудняющего скорость передвижения, разорвав упряжку где-то по дороге к обвалу. Земля поглотила седоволосого, похоронив по-царски: обильно обложив золотом, спрятав от посторонних глаз, присыпав землей, глиной и камнями и накрыв телегами.

Отец, естественно, оставил лошадей себе, и по возвращению в фермерский городок под предлогом строительства крупной теплицы для выращивания дорогостоящих чужеземных фруктов нанял рабочих, чтобы те территорию вокруг на тысячу шагов от того, где произошёл завал норы, окружили особой прочностью и высоким забором. Вход на территорию

планируемой теплицы проходил исключительно через ворота запертых на несколько крупных и сложных замков.

Затем отец отправил гонца в город Тирд с письмом для Короля земли Вид Дабома-А с просьбой принять предложение о совместном владении всеми землями в окраине города Поставк на следующих условиях:

- вся земля в окраине города Поставк переходит в совместное и равное пользование короля и моего отца, Толь-Толи-Бом, кроме небольшого участка земли, обнесенного забором особой прочностью и высотой, предназначенного под строительство крупной теплицы для выращивания дорогостоящих чужеземных фруктов;

- весь расход от совместного пользования землей делится в равных долях между королем и отцом;

- весь доход от сбора урожая делится в равных долях между королем и отцом;

- доля полученного дохода отца не обкладывается никакими королевскими налогами;

- о вводе должности главного смотрителя за сбором урожая, которую будет занимать исключительно вассал Короля;

- землю в окраине города Поставк считать важным стратегическим сельскохозяйственным объектом, на котором всегда должна располагаться рота солдат, вооруженная по стандарту военного времени на полном довольствии отца, и три солдата всегда должны сопровождать моего отца, Толь-Толи-Бом, куда бы он не следовал.

Король земли Вид Дабома-А с удовольствием принял неожиданно обильное предложение моего отца.

Отец, после рождения моей дочери, его внучки, передавая мне сапожки, меч и лошадей Ксир не смог объяснить, в чем их предназначение, примитивно сказал, чтобы я всегда держал меч и сапоги при себе, куда бы я ни направлялся. Он объяснил, как их использовать, а момент для их использования, я думаю, настал.

– Отец отослал имеющиеся свободные обозы с яблоками, какие были в его распоряжении, но они до сих пор не дошли до меня. – Заканчивал рассказ Тим-Тили-Бим. – Сам же отец слишком стар и немощен, чтобы помочь мне лично, но я знаю, что он послал королю города Тирд гонца с просьбой, чтобы тот оказал мне, как можно скорее необходимую помощь. По какой-то причине король Тирда до сих пор не соизволил эту помощь мне оказать...

Не стали больше терять времени Бим и Бом и отправились в путь. Рассказ Тим-Тили-Бима о мече и сапожках дали братьям уверенность в том, что освобождение из плена Бимбочки из лап Чудища Пучеглазого более чем осуществимо.

Долго стоял около своего замка Тим-Тили-Бим, провожая новоиспеченных храбрецов усталым взглядом. Он очень хотел пойти с ними и помочь, но ещё больше боялся, что Чудище Пучеглазое увидев его, разом проглотит Бимбочку. Тим-Тили-Бим вдруг вздрогнул от легкого прикосновения, обернулся и увидел собачку Бимбочки, Миму, тыкающую носом в его ногу. «Пойдем, покормлю тебя что ли...» – промямлил Тим-Тили-Бим.

Темнота наполнила поля, через которые проходили Бим и Бом, но не была помехой, так как братья хорошо видели в тёмное время суток.

Они решительно шли вперед на север к четырем скалам и с легкостью тянули длинную и тяжелейшую телегу, которую взяли с собой, чтобы в случае, если Чудище их встретит, то, как представители от Тим-Тили-Бима, они смогли бы преподнести яблоки в качестве дара и при удобном моменте напасть на Пучеглазого.

Предварительно из телеги выложили яблоки «припевочки», чтобы избежать сопровождающего пения и максимально соблюдать тишину. Долго братья вышагивали, как вдруг в нос ударил противный запах гниющих яблок. Бим и Бом души не чаяли в яблоках, но даже они

сморщились от гадкого смрада и прибавили шаг по направлению в его гущу, чтобы скорее решить вопрос с захваченной в плен Бимбочкой. Под ногами от брошенных гниющих яблок хлюпало и противно жижилося. Пучеглазый зажрался – выбирал из того, что поставлял ему Тим-Тили-Бим особенно вкусные плоды, не имея понятия о чистоплотности, какую прививают людям с детства родители и общество, раскидывал прочие плоды в близи проживания.

Наконец братья подошли к высокому каменному массиву. К тому времени глаза слезились из-за противного запаха гниения, выедающего их. Кожа на теле невыносимо зачесалась как от укусов клопов. Преодолевая вонь и почесываясь, братья оставили телегу, бесшумно обшарили местность вокруг скал, нашли ту самую с дымящейся головой и обнаружили приземленный вход в неё через пещеру, откуда тянуло теплым паром.

Первый вход в недра скалы, как им показалось, должен был находиться у края неба, где скала упиралась острым носом в облака, и откуда из её носа поднималась паровая завеса, создавая кучевые облака. Скорее всего, там, в верхушке скалы находился разъем, позволяющий Пучеглазому перемещаться по воздуху. Братья предположили, что не смогут бесшумно добраться до верхушки скалы – она с резкими очертаниями, с крутыми отвесными склонами. Из-за голой каменной серы поверхность негостеприимно темнела, и они вернулись к варианту с приземистым входом.

Тот вход в пещеру был узок: по ширине рассчитанный на пятилетних детей, никто из тех героев не смог бы протиснуться внутрь неё по созданному кем-то маломерному туннелю. Об этом, говорила тонкая струя пара, волочащаяся под давлением сквозняка из пещеры в скале. Она, радуя братьев свежестью, добавлялась в эту вонь и разбавляла невыносимый коктейль.

Братья легли на землю рядом с входом и стали тянуть в разные стороны руки и ноги, стараясь выпрямить их в длину так, чтобы принять размер более тонкий и от того длинный. Этому приему их научил Ни-Там-Ни-Тут. Прошло несколько часов упражнений, пока братья не осознали, что готовы почти без препятствий преодолеть узкий туннель.

Когда Бим и Бом поползли по нему, карябая и сдирая не только одежду, но и кожу на теле, особенно на животе, то от такого передвижения была одна радость – чесаться стало не нужно. В туннеле слегка сквозило, что помогало дышать немного легче, чем снаружи.

На смену запаха пришло тепло. Чем дальше братья ползли по туннелю, тем теплее становилось. Наконец настал момент, когда стало жарко, а затем невыносимо жарко. Стены туннеля буквально обжигали исцарапанные тела братьев. Пот ручьями тек по лбам братьев, заливая глаза и попадая в рот... и туннель закончился.

Первым свет увидел Бим. На всякий случай он потряс вытянутым перед собой мечом. Но ничего не произошло, только позади него забурчал Бом о том, что надо поскорее вылезать из этой дыры и не мешало бы промочить горло любым вкусным холодным напитком, намекая на сидр. Отдельно надо сказать, что братья крайне редко общались, так как интуитивно понимали друг друга, у людей это называется телепатия. Голосом же братья общались исключительно редко, чтобы не разучиться говорить и, чтобы рот не зарос.

Бим аккуратно стал осматриваться. Понемногу, после глубинной темноты в туннеле, глаза привыкли к свету, и перед ним предстала следующая картина.

Глубоко в скале была вырублена огромная яйцеобразная пещера – в неё мог вместиться дворец Тим-Тили-Бима, и оставалось место на его сад с многочисленными фруктовыми деревьями.

Пещера делилась на три элемента. Первый – речка, окружающая каменную площадку, она и была вторым элементом, высеченным в центре пещеры, и слегка поднималась над рекой; и, третий элемент, лава, в центре площадки.

По краям пещеры из горячей речки поднимался пар, он являлся источником густого тумана, нависшего над ней. И дальше он выходил из негерметичных мест в скале, таких же

туннелей, которые помогли войти сюда братьям. Выше пар, не нашедший себе пристанище, образовывал облака через отсутствующую вершину, после чего массово поднимался и покидал теплую оболочку скалы – крохотную фабрику по производству облаков.

На каменной площадке, в середине – диаметром не более трех шагов – пылала обжигающей жаром лава. У края лежало на боку Пучеглазое Чудище и отсюда, из туннеля, казалось небольшим.

Посередине пещеры, рядом с пылающей лавой, находилась клетка, подходящая размерами для того, чтобы содержать там огромного медведя гризли, но никак не для маленькой девочки. А в ней сидела именно маленькая девочка и внимательно смотрела на громко храпящее Пучеглазое Чудище. От резкого визга, иногда издаваемого Пучеглазым Чудищем при выдохе воздуха из пасти, девочка вздрагивала.

Пребывание в пещере несколько минут сравнимы для Бима и Бома с принятием бани в воскресный день – жар и пар пьянили, тело покрывалось потом, голова дурела. Легкий ветерок, наблюдавшийся в узком туннели, здесь, в яйцеобразной пещере, не наблюдался. Братья заставили себя крепиться.

Девочка, казалось, не замечала неудобной обстановки – перед ней стояла алюминиевая тарелка, наполненная нетронутыми яблоками, иной человеческой еды не наблюдалось. Ни кровати, ни стола, ни любого минимального комфорта не было.

Бим и Бом потихоньку, стараясь не привлекать внимания, взялись выбираться из туннеля, цепляясь за неровные шероховатости стен и, поддерживая друг друга, медленно и аккуратно спускались вниз, на площадку пещеры, к которой вели беспорядочно разбросанные мосты, образовавшиеся из твердых каменных пород и не поддавшиеся настойчивости водам реки. Спустившись на твердую поверхность, братья начали пробираться к клетке.

Старались шагать тихо, когда Чудище Пучеглазое выдыхало из своих легких воздух. Останавливались и замирали каждый раз, и Чудище Пучеглазое затихало на секунду перед тем как вдохнуть в себя очередную порцию воздуха. Во время очередного вдоха они ловко и стремительно приближались к клетке с девушкой, казалось, их силуэты мелькали сквозь поднимающийся пар, неожиданно становясь все ближе.

Не сговариваясь, Бим поравнялся с клеткой и сидящей в ней Бимбочкой и последовал в сторону спящего Чудища Пучеглазого, а Бом остановился и встретился с взглядом Бимбочки: приложил к губам палец, показывая, что нужно соблюдать тишину.

Время остановилось для Бимбочки. Ей хотелось кричать от радости, что за те несколько дней, что она находится в плену у Чудища Пучеглазого, появился хоть один человек! И не просто человек, а храбрый человек! Это было видно по его лицу, сосредоточенному и внимательному, знающему про опасность не понаслышке.

Бом продолжал стоять и ничего не делать. В его крепких руках она увидела крупный топор, похожий на тот, каким слуги отца кололи дрова для отопления некоторых комнат в замке в холодное время. Второй человек, пришедший в эту неприятную пещеру, продолжал шагать прямо к спящему Чудищу Пучеглазому. Второй человек! Он такой же храбрый, как и первый, раз так решительно шагает к чудищу. Бимбочка затаилась в ожидании спасения, в глазах стало смеркаться и темнеть и, вот, Бимбочка уже не видела, что перед ней происходит. От страха она хотела кричать, но что-то привычно сдавило ей горло, и она смогла только захрипеть.

Тут же Бом отошел от клетки на пару шагов и обернулся на Бима.

Бим в этот момент находился рядом с жирным брюхом Чудища Пучеглазого и завел за спину для сильного размаха меч, надеясь одним ударом распороть и выпотрошить из мерзкого создания то отвращение, которым оно набито.

Биму хватило одного лишь взгляда осмотреть, что есть такое этот Пучеглазый. Тёмно-коричневая кожа, бугристая и шершавая покрывала его, в некоторых местах лопнувшая, она гнила. Плотная гниль стекала на твердую поверхность пещеры, слегка проедавая её, оставляя неровности и, скапливаясь, заполняла их. Резкая вонь, поднимавшаяся от кожи, заставляла Бима морщиться. Морда Пучеглазого походила на колокол: края рта при храпе так широко открывались, что был виден огромный язык, беспорядочно бьющийся об острые и белые зубы.

Чудище, также шумно вздыхая и выдыхая, мгновенно поднялось и зависло над Бимом. Также шумно вздыхая и выдыхая, открыло огромную пасть и грозно произнесло:

«Думаешь, кроме яблок я ничего не ем? Ошибаешься...» – и громко засопело, втягивая в себя поднимающийся от скальной речушки рассеянный пар.

Бим, не раздумывая, бросился бежать в противоположную сторону от Чудища Пучеглазого. Поначалу это показалось, как побег с поля ещё не произошедшей битвы. Чудище победно бросилось за беглецом. Но это была ошибка. Бим не собирался бежать, он, используя мощь сапожек, стал набирать невероятную скорость. Просто для большего разгона ему надо было более безопасное место, чем рядом с Чудищем – на стенах. Поэтому он вбежал с площадки на стену по одному из разбросанных над рекой мостиков и продолжал бег по стене пещеры вокруг площадки.

Чудище, спустя пару секунд, поняло, что все идет как-то не по плану. С одной стороны, жертва убегает, с другой стороны, жертва действует по своему хитросплетенному плану, убегая странным образом так уверенно, как будто не боится, а маневрирует. Чудище привыкло исполнять только один маневр: настигать свою жертву, а затем, используя свои острые когти и зубы, разделаться с ней. Поэтому Пучеглазое в привычной манере бросилось за Бимом, желая его настигнуть и растерзать, понимая, что трудности имеются – жертва передвигается намного быстрее его самого и прячется в тумане, поднимающегося от реки.

Бом неожиданного резко сделал два шага к клетке, подпрыгнул, размахнулся и обрушил удар топора на правый угол клетки. Клетка завизжала и разлетелась от удара в разные стороны, как будто лопнула, теряя куски металлической решетки. Бимбочка продолжала стоять и смотреть не своими глазами на происходящее. Как кукла.

Бим разгонялся быстрее. Ноги превратились в лопасти, несущие его со скоростью даже не ветра, а тайфуна, это развлекало. Бим прикладывал максимально усилий, чтобы бегать по стенам пещеры, перемещаясь исключительно по кругу так, чтобы не размазаться по стене, споткнувшись об различные отростки и неровности стен. Чудище, потеряв надежду догнать жертву, стало понемногу подниматься вверх, надеясь вонзить зубы или когти в бегающий вихрь, разгоняющий туман – так выглядел со стороны Бим.

Бим, немного привыкнув бегать по кругу, в очередной раз, пробежал рядом с чудищем, немного поравнявшись, подпрыгнул, махнул мечом и тут же отсек несколько когтей на шершавой лапе чудища. Пучеглазый завизжал. Но не успел он успокоиться, как на него снова обрушился удар, только пришелся по его хвосту. И часть хвоста тут же отлетела, а из раны полилась кровь. Из мест, где раньше росли когти, запоздало хлынула кровь.

Чудище стало терять ориентацию, боль от ран стала отвлекать его. И тут Бим нанес ещё один удар, дотянувшись до второй лапы, и отрубил большую её часть, выше колена. Дальше дело пошло быстрее. Бим наносил удар за ударом, ни промахиваясь, рубя мечом так легко и умело, как повар на кухне рубит капусту, мстя ей за рассыпчатость. Каждый удар отрубал кусок плоти Чудища и рассекал её так глубоко, что кровь спешила поскорее покинуть его безобразное тело, брызгая и фонтанируя.

Бом осторожно подошел к Бимбочке и, не дотрагиваясь до неё, осмотрел. Затем зашел ей за спину и резко ударил девушку по спине, да так сильно, что Бимбочка, пролетев пару метров, упала на пол пещеры.

Бом следом ударил топором по тому месту, где только что стояла Бимбочка. Казалось, что он бьет по воздуху, но удар, вызвавший нечеловеческий визг, достиг цели. Шум наполнил пещеру, вырубленную когда-то умельцами в когда-то стойкой скале. Безумным испугом и по её стенам поползли трещины, соединяющие туннели на стенах.

Бом шум ломающейся стены яйцеобразной пещеры пропускал мимо ушей, так как после первого удара по тому месту, где стояла Бимбочка, он нанес ещё удар и ещё, и ещё и колотил, пока визг не прекратился.

Бом посмотрел на пол и увидел, оторванную и раздавленную ударами его топора конечность, наподобие верёвки, длинную и тонкую, наподобие тонкой руки с локтем, разве что, вместо ладони с пальцами она заканчивалась острым шипом.

Чудище пыталось спастись. Крылья Бим не успел задеть своим хватким мечом, Пучеглазый дергался, но успешно поднимался вверх. Голова Чудища также не пострадала, и инстинкт подсказывал ему, что битва проиграна, трофеи и пленница потеряны и надо цепляться за жизнь – лететь как можно выше и дальше, да лететь так, чтобы долететь до скалы Имер, где обитает его отец, Крысьяк, и сразу после заползти в подземную речку Пульс под скалой Имер, окунуться в её лечебные потоки, полежать в них недельку до тех пор, пока не заживут раны и отрастут отрубленные тела, а затем вернуться к замку Тим-Тили-Бима, поймать его хозяина за шкуру, вытащить из него: где живет тот, кто посмел его так долго и мучительно резать мечом, затем сжечь замок вместе с Тим-Тили-Бимом и его дочерью, найти того человека и наказать его – разорвать на миллион маленьких частиц.

Чудище стало подниматься вверх, к потолку пещеры, в нём находился спасительный выход, разъем, готовый выпустить такое немаленькое создание как Чудище. О возможности жить думало Пучеглазое, думы придавали сил приближаться к разьему. Вдруг неожиданно рядом блеснула тень с мечом и, отрубив ему голову, тень спустилась к началу пещеры и остановилось, обрета очертания Бима. Чудище рухнуло на площадку, на то место, где полчаса назад отсыпалось. От удара стены зашатались, трещины поползли и начали осыпаться, но как-то неправильно, не засыпая пещеру, а рассыпаясь во вне, как будто стены были лепестками цветка, и он раскрывался, встретив утренние лучи солнца.

Пол закачал, покрыло паутиной трещинок и в том месте, куда наносил удары Бом тоже треснуло, и из трещины появилась морщинистая, серая и лысая голова, очертаниями напоминающую человеческую, только чем больше она вылезала из трещины, тем становилось заметнее, что вместо шеи и тела она имеет тонкий шест-конечность, становившейся все длиннее и выше, от которого отходил ещё один тонкий шест, но лишенный топором Бима своего продолжения, шипа. И язык, длинный бордовый язык, высунутый изо рта, противно шипел.

Бим не ждал приглашения и побежал на ещё одну уродливую тварь, держа наготове перед собой меч. Вихрь прошел рядом с тварью. Шипение ушло, голова отделилась от шеста, упала и покатила по полу. Бим ещё одним ударом разрубил голову пополам.

Бом, не меняя позиции, ударил, но уже не по полу, а по шесту-конечности, оставшемуся без головы. Затем он отложил топор и схватил за не расплюснутую часть шеста-конечности и потянул на себя, надеясь вытянуть то, что находилось в каменной норе.

Бим подошел к Бимбочке. Из её левой руки текла кровь, но это была кровь не от удара или полученных при падении порезов и царапин. В области локтя находился ровный укус как комариный только значительно большего размера, по-видимому, от шипа. Он взял её на руки и свистнул.

Бом тут же бросил шест-конечность, понимая, что не успеет вытянуть мерзкое создание из его укрытия, оно тут же стало уползать вниз, в нору, извилистую и недоступную для человека из-за крохотного размера. Бом поднял топор и спрятал за пояс.

Затем Бом подбежал к Биму и запрыгнул к нему на спину, закрепив свои ноги на талии брата. Бим, ни теряя времени даром, побежал по кругу площадки и, сделав несколько кругов, набрав значительную скорость, перебежал на рассыпающиеся стены пещеры, превращаясь от быстроты движения сам и превращая от быстроты передвижения Бома и Бимбочку в тень. Тень заплясала по стенам пещеры и, бегая по кругу, стала подниматься все выше и выше, пока не достигла разъема в потолке пещеры и скрылась. Стены пещеры стали оседать и рухнули, сломав вековой тандем из четырех скал, которые образовывали полукруг.

Тень остановилась ровно у телеги и стала приобретать очертания – Бим в руках с Бимбочкой и братом на спине. Бом тут же слез с брата и принял из его рук Бимбочку. Бим устало вздохнул и осмотрел развалины.

В телеге нашлась вода. Бом поспешил ополоснуть лицо Бимбочки, но она находилась без сознания.

Бим подождал до тех пор, пока уляжется пыль от многочисленных обломков, ранее гордо именующих себя высочайшей скалой. Он попросил топор у Бома, передал брату удивительные сапожки и одел свои грубые ботинки, ожидавшие его в телеге. Бим направился искать останки Чудища Пучеглазого. Бом не стал дожидаться, чем окончится поиск Бима: обулся в удивительные сапожки, взял на руки Бимбочку и направился в сторону города Миби-Миб. Он, потеряв очертания от скорости, которую давали сапожки, тенью ринулся к дворцу Тим-Тили-Бима.

Бим упорно искал под завалом искалеченное туловище Пучеглазого, разбирая завал, и вскоре нашёл его. Он решил убедиться, что жизнь покинула Чудище, так как, имея дело с подобными, никогда ни знаешь, чего можно от них ожидать, и насколько они могут быть немыслимо живучи. Поэтому Бим разрубил огромное брюхо Пучеглазого так, чтобы птицы скорее выклевали внутренности. Также Бим нашёл отрубленную голову. Её он решил оставить себе, как доказательство свершившейся победы человеком над уродливым коварством природы.

Бом тем временем влетел во дворец Тим-Тили-Бима и, вручив дочь несчастному отцу дома, поспешил откланяться. Перед самым отбытием прихватил ещё одну телегу с яблоками, не запрягая, потянул её за собой. Тим-Тили-Бим бросился к дочери, не видя и не слыша никого от радости. Бимбочка, почувствовав дыхание отца, открыла глаза.

С трудом приподняв отрубленную голову, чтобы положить её на телегу, поверх мешков с яблоками, Бим поспешил в порт.

Братья встретились в порту, нашли судно «Заборта» и, прикинув размер телег с яблоками и головы Чудища Пучеглазого, поняли, что объем судна не позволит разместить трофеи. Отпускать Сза не хотелось: за его труды было дорого заплачено. Оставлять трофеи непомерно жалко. Ждать же ещё пять дней и плыть на другом судне братья не могли себе позволить, так как денег на проживание, пропитание и обратную дорогу не осталось, яблоки могли испортиться, а в целях пропитания не хотелось варить и есть голову Чудища. Возвращаться к Тим-Тили-Биму тоже не хотелось, в таком случае надо было бы возвращать меч, сапоги и телеги. Братья пригорюнились.

Хозяин же лодки, Сза, засмеялся над хмуростью братьев и потребовал грузить трофеи на судно. Они внимательно выслушали его, как надо правильно укладывать груз.

Первым делом он поручил внести на судно голову Чудища – перед входом на судно надо было четыре раза повернуться вокруг себя, войти на лодку и не сходить с неё до окончания дальнего плавания. Бим так и сделал, и голова Чудовища гармонично легла под первое пассажирское кресло, значительно уменьшив его размер.

Вторым делом Сза поручил внести на судно обе телеги, но перед входом на судно надо было восемь раз повернуться вокруг себя, войти на лодку и не сходить с неё до окончания дальнего плавания. Бом так и сделал, собрал все свои силы и, подняв каждой рукой по телеге, закрутил их вокруг себя и через восьмой оборот вошел на судно, и телеги гармонично легли под второе пассажирское кресло, значительно уменьшив его размер.

Братья постарались ни удивляться, пристегнувшись к пассажирским креслам. Поблагодарили Сза за то, что его судно имеет дополнительную скрытую вместимость.

И лодка, управляемая Сза, тут же отправилась домой через море, становившееся коварным на семь дней в году. По дороге припевочки, находившиеся под вторым пассажирским креслом в одной из телег, вибрировали и выпускали вокруг приятное пение, и от этого возвращение домой становилось ярче, потому что чувствительнее. Бим и Бом же заметили, что подстерегающие их на пути смертельные водоросли от пения припевочек светлели, теряя влагу, и на глазах умирали, становясь жёлтыми.

Становилось понятно, как Тим-Тили-Бим добрался по морю, не попав в хладнокровные объятия водорослей: его фрегата с командой, сами того не зная, находились под защитой припевочек.

Смелых и ловких братьев впереди ожидало ещё одно приключение, о котором они ничего не подозревали.

Глава 2. Королева и Трехголовая гидра

Глава о том, что надежда не бывает пустой.

Братья, вернувшись домой, в свою хижину на берегу реки Нудот, первым делом взялись готовить сидр из яблок, доставшимся им в подарок за доблестное освобождение Бимбочки. Им потребовалось сколотить много дополнительных бочек, чтобы разместить в них яблоки.

Затем, подкрепившись копченой рыбой и отдохнув от путешествия в городе Миби-Миб, они решили приукрасить свою хижину: окружили её высоким забором с широкими воротами, а рядом с ними на несколько высоких надежных колов водрузили голову Чудища Пучеглазого так, чтобы она была видна людям, проходящим рядом с домом братьев, и отпугивала тех, кто в отсутствии братьев помышлял зайти к ним в гости без приглашения.

На следующий день по утренней заре братья собирались порыбачить. Они загрузили лодку провизией, удилами и сетями и поплыли по реке Нудот в поисках добычи.

За то время, что они отсутствовали, прошла почти неделя. Голова Чудища Пучеглазого окончательно подсушилась на солнце, глазницы высохли, язык вывалился из мерзкой глотки, и его склевали птицы. Молва о страшной голове, выставленной на обозрение, разнеслась по области города Тирд. В то время, когда братья возвращались с рыбалки, молва дошла до самого города Тирд. И если в начале недели с десятков зевак каждый день собирался около головы и, кидая в неё камни, весело гоготала, то теперь толпы тех же людей стали посещать выставленную на общее обозрение голову с почтением и трепетом. Многие вблизи проходящие люди также охали от этого страшного зрелища, боясь подойти поближе.

Братья, вернувшись с рыбалки к обеду четверга, поначалу не могли понять, откуда доносится шум и гам, и куда идти, чтобы этот бесконечно раздражающий шум и гам остановить. Поразмыслив, они вспомнили, что совсем недавно воздвигли забор, и поэтому к их дому можно было попасть только двумя путями: с берега реки или с дороги через ворота. Братья вернулись домой с берега реки и, видимо, чтобы найти источник шума надо идти к воротам.

Но разбираться с шумом и гамом времени не было, улов ждал: братья ему не дадут протухнуть. Они принялись потрошить рыбу, чистить её от чешуи, тщательно промывать от крови. Первая часть рыбешек, обветриваемая легкой речной свежестью, была надета на крепкую тонкую верёвку и развешена сушиться на солнце. Вторую часть улова переложили в бочки, засыпали её приправами, специями, солью и плотно закрыли, чтобы рыбка тщательно просолилась. После проделанной работы, братья, не избавившись от проевшего их запаха рыбы, направились к воротам, чтобы разобраться с постоянно нарастающим и уже крайне надоевшим шумом и гамом.

Открыв широкие ворота, они увидели огромное столпотворение, издающее этот шум и гам. Но тишина наступила, как только ворота полностью распахнулись. И братья первым делом подумали, что это не из-за них.

Дело в том, что близнецы, находясь на рыбалке, не мылись неделю. Во время чистки рыбы братья также успели измазаться в кровь, кишки и чешуи. Поэтому, выйдя из ворот, появились перед людьми с грязными лицами и руками, в сильно перепачканной одежде и плохо пахнущими. Даже те местные жители, которые с ними были знакомы, не смогли их узнать. Та часть толпы, которая находилась ближе к воротам, затихла от ужаса, пригнулась и медленно поползла от братьев. Им показалось что Бим и Бом – ожившие ноги сгнившей головы Чудища Пучеглазого.

Бим спросил у толпы, разноцветно простирающей так далеко, что казалось, все королевство собралось здесь:

«В чем дело?»

В толпе раздались одиночные крики ужаса от того, что части тела заговорили, и самые пугливые приняли попытку побежать, но та часть толпы, которая находилась дальше от ворот и ближе к проселочной дороге не давала им это сделать. Люди плотно стояли, замерев и затихнув от почтения, так как сам Король земли Вид – государства Имбонг, резиденция которого находилась в городе Тирда, направлялся в их сторону.

Но крики о том, что «отрубленные ноги ожили», не переставали утихать. Напряжение нарастало.

Краткая неожиданная история про Короля земли Вид Дабома-А.

Городские жители его любили, почитали и немного побаивались, потому как Король строг, справедлив, но подданных понапрасну не обижал. Узнавали Короля сразу – на нём была одежда, сверху донизу обшитая драгоценными камнями, в правой руке он держал трость и при каждом шаге выкидывал её ровно вверх и вперед, словно зачерпывал ею невидимые нити, притягивая их к себе. Левой рукой, как правило, жестикулировал, отдавая приказы.

Каждый раз, когда король проходил четыре раза путь, равный границам земли Вид, в его трости аккумулировалась непонятная для окружающих энергия, создавая драгоценный камень, и из кончика трости выпадал изумруд, топаз, рубин, алмаз или сапфир, и кто-то из свиты обязательно поднимал камень с земли, после чего он передавался в королевскую казну. Таким образом, с приходом к власти короля Дабома-А земля Вид не спеша и стабильно богатели.

Не то, чтобы король постоянно был в пути, накручивая счетчик образования очередного драгоценного камня, нет. Он не спешил, а когда его по неосторожности один из преданных советников спросил, почему король отказывает себе в дополнительных прогулках, ведь можно было бы получать больше камней; то король сослал этого советника на границу крупной земледельческой окраины города Поставк следить за сбором урожая и после сбора урожая оставил там же на службе в должности «крути коровам хвост». Советник был раздавлен таким решением короля и только спустя два года смог подняться до должности главного смотрителя за сбором урожая. После такой показательной трепки больше никто и никогда без крайней необходимости не задавал королю вопросов, а если и задавал, то крайне унижался, тщательно подбирая правильные слова, находясь на грани нервного срыва.

Также никто из проживающих на земле Вид не знал, сколько лет правил король, но все самые старые люди говорили, что помнили, что родились при этом короле; никто не знал, как король стал править; никто не знал, откуда у него была трость, и как она рождала драгоценности, но никто даже не подумывал о том, чтобы спросить про это.

Поэтому, зная нрав Дабома-А, как только король сам объявил, что пришел для важного дела к Биму и Бому, толпа зевак расступилась, напряжение опало, так как цель стала ясна. Люди, не совсем понимая, куда подевалась свита короля, покорно и шустро освобождали ему дорогу.

Тем временем король подошел к далеко не свежим Биму и Бому и, брезгливо поморщившись, потребовал впустить его внутрь и плотно прикрыть за ним ворота.

Бим и Бом поспешили исполнить волю короля и пригласили его за единственный стол, тоскливо стоявший посередине их двора под деревянным навесом. Король присесть не отказался и выдал гордо, расположившись на крепко сколоченном деревянном стуле:

«Сегодня во время обеда, проходящего в моем замке на открытой площадке в присутствии моей неповторимой прекрасной молодой жены и пятидесяти моих слуг, в мгновение над дворцом повисло мерзкое создание, имеющее тело змеи, три головы и два крыла.

Первой плоткой головы оно схватило мою нежнейшую жену, второй глоткой головы оно выдохнуло, превратив моих слуг в каменные истуканы, третьей плоткой головы оно выдохнуло, превратив каменные истуканы в белый песок и пыль, и в тот же мгновение оно улетело. Меня, как успели заметить, оно не тронуло.

Ум подсказал мне о случившемся, что жена жива, слуг я найду новых. Моя уверенность в моих выводах объясняется тем, что та тварь появилась почти сразу после того, как ты и ты – на этом месте Король потыкал пальцем в Бим и Бома – вернулись с победой над Чудищем Пучеглазым. А значит мой дворец посетила Гидра, мать Пучеглазого, чтобы вызвать тебя и тебя – на этом месте Король снова потыкал пальцем в Бим и Бома – на поединок, потому что не нашла тебя и тебя – на этом месте Король снова потыкал пальцем в Бим и Бома – потому что ты и ты – на этом месте Король снова потыкал пальцем в Бим и Бома – находились на рыбалке в водах реки Нудот, а все знают, что река Нудот так опасна, что, пролетая над ней, можно быть проглоченным выпрыгнувшим каким-нибудь исчадием из её тёмных вод. Гидра побоялась искать лодку, летая над рекой, понимая, что может быть заживо проглочена. Улетев из моего замка Гидра как бы сказала, что зовет тебя и тебя – на этом месте Король ещё раз потыкал пальцем в Бим и Бома – на свою территорию, а моя жена гарантия того, что ты и ты – на этом месте Король последний раз потыкал пальцем в Бим и Бома – обязательно явитесь для серьезного с ней разговора.

Собирайтесь немедленно, найдите, где обитает Гидра и убейте её так, чтобы спасти мою удивительную жену. Чтобы она не пострадала, а ещё спасите тех людей, которые Гидра похитила и не успела сожрать, те люди будут мне новыми слугами, да такими слугами, преданность которых не сравнится с крепостью тех камней, что дарит мне эта трость.

Договорив, король Дабома-А немедля покинул двор Бим и Бома.

Братья, помывшись и переодевшись в чистые одежды, прихватили с собой сапожки и меч Тим-Тили-Бима и съестных припасов, запрягли лошадей и помчались в лес Гаршиш, граничившим с запада с городом Тирд.

Лес был мало изведен людьми, так как в нём обитало полным-полно всякой чудной и опасной живности, не считая подобных человеку, но крайне странных обитателей. Поэтому братья стремились к лесу, понимая, что если где-то вблизи города и есть подсказка, то искать гидру надо лишь здесь, на границе обжитой человеком территорией и глухого властного леса. Тем временем солнце садилось под давлением наступающей ночи.

Братья остановились за двадцать шагов у подлеска, когда на травяном покрове заметили породу полевых цветов, похожих на одуванчики, разве что, в разы больше по величине. Те отпускали в небо парашютики из волосков, прикрепленных к носику плода. Более ста парашютиков, размером с кулак, со всего подлеска, поднимаясь высоко над лесом, самовозгорались, создавая жёлтое свечение и добавляя на пару секунд на небо сгорающую звезду. Зрелище закончилось спустя пару минут, и резко потемнело.

Собрали хворост и крупные ветки, развели костер и принялись не спешно готовить ужин, понимая, что запах жареного мяса привлечет внимание лесных обитателей и, возможно, это будут экземпляры, говорящие на человеческом языке.

Мясо жарилось на медленном огне, и когда, как братьям казалось, что оно приготавлилось на половину, вблизи раздалось легкое шевеление, исходящее из леса. Братья не подали виду, что заметили аккуратное передвижение, выдающее себя слабыми звуками трения ткани об траву: Бим, в сапогах от Тим-Тили-Бима, сидя на карачках беззаботно готовил мясо на сооруженном из найденных около леса веток вертеле, а Бом жевал сладкую травинку,

периодически глубоко вдыхая и ножом заостряя особенно крепкие ветки, собранные у края леса, делая колья длиною в два локтя.

На самом деле братья были напряжены, словно пружины.

Бом наблюдал за местностью: до леса перед костром, поглядывая на лошадей, близко пасущихся так, чтобы в случае возникновения реальной опасности подать знак Биму. И он, обутый в волшебные сапоги, подхватил бы Бима – и братья смогли бы в два прыжка оказаться рядом с лошадьми; подхватить лошадей и убежать подальше от злого леса с неприветливыми обитателями.

Бим же отвечал за наблюдение за местность перед лесом после костра и старался поддерживать огонь, подбрасывая в него заранее собранные ветки и поленья. Он принимал от Боба свежееизготовленные колья и подкладывал их в костер так, чтобы горели медленно, наливаясь жаром. Пламя костра невысокой стеной закрывало братьев от леса, как бы защищая, но не давало полной гарантии сохранности.

Шевеление выросло в чёрную каплю размером в пол – лошади и расположилось шагов за десять от костра, спиной к лесу, явив себя, учуяв, что его ожидали. Покров капли работал как зеркало, отражая темноту, от чего напоминал тёмное пятно, неуместно поставленное чернилами на иллюстрацию с лесом. Бом сплюнул травинку и, не оборачиваясь, спросил тёмное пятно:

– Представьтесь, раз зашли к нам на огонек.

– Мясо не пережарьте. – Дерзко получил он в ответ.

– Нам его кушать, нам и определять его готовность. – Нараспев произнес Бим, намеренно показывая, что боятся не в его привычке.

– Зачем вы здесь, разве ни за тем, чтобы кого-нибудь покормить – мясом, лошадьми, да и сами особенно лакомый корм. – Ответил тёмное пятно не спеша обличаться.

– Не гневи нас. – Бим встал, вытянул из ножен меч и пару раз взмахнул им, чем вызвал череду отблесков. – Даже не надейся, что от нашего гнева тебя защитит накидка.

Из тёмного пятна вылезла морщинистая рука, хлопнула ладонью по траве и спряталась в тёмной оболочке. В том месте, где её коснулась ладонь, поднялась трава, образовав кочку – холмик высотой с пол-локтя. Но этот холмик отличался от тех, что довелось видеть Бим и Бому тем, что он как будто под напором сильного ветра побежал на них, вернее что-то находящее в земле бежало на них, от чего трава беспрепятственно приподнялась, пропуская неведомого прислужника к поставленной цели.

Бим воткнул меч из зуба рыбы Риньет в землю, достал голой рукой из костра нагретый кол, подпрыгнул в высоту и когда приземлился, то сделал это перед бегущим холмиком и, изловчившись, вонзил в его середину и отпрыгнул назад к костру, ровно на то же место, где стоял секунду назад. Раздался писк, его издавал холмик, пораженный и нанизанный на кол, прислужник остановил свой быстрый бег.

Из тёмного пятна снова вылезла сморщенная рука, хлопнула шесть раз ладонью по траве и спряталась в тёмной оболочке. Появившиеся на земле холмики ровным строем побежали к братьям.

Бим снова привстал, выхватил из костра обеими руками шесть начинающих тлеть кольев, снова подпрыгнул и, каждый раз приземляясь, на бегущие бугорки ловко втыкал кол. Раздавался писк, свидетельствующий о попадании в цель, а Бим, закончив с последним, вернулся к костру с помощью прыжка и повертел мясо.

– Вижу вы не совсем люди... А если и люди, то крайне непорядочные. Мясо пережариваете, меня не страшитесь... – снова заговорило тёмное пятно.

Договорить ему не дал Бим, выхватил из костра три последних кольев, напоминающих короткие копья, и метнул их. Колья словно стрелы вонзились по краям тёмного пятна, прибили его к земле и порвали оболочку. Тёмное пятно создавал широкий плащ, потеряв-

ший целостность и свойства отражать окружающее. Покалеченный плащ вытряхнул из себя хозяина, старую горбатую бабку в бережно залатанной ветхой одежде – грубом сером платье с деревянной тростью в левой руке.

Бом достал из вещмешка кувшин, открыл пробку и пригубил.

– Какой вкусный сидр в этот раз набродился...

Старая горбатая бабка не собиралась сдаваться и предприняла очередную попытку обидеть, но в этот раз не самих братьев, а преданных им лошадей. Она молодецки подпрыгнула, выбросив вперед сухую руку с деревянной тростью так, что та вылетела, закрутившись как томагавк, пролетела над костром, разделилась на две серые полосы, напоминавшие очертания воронов.

Увидеть воронов успел Бим, так как Бом, попивая сидр, не спускал взгляда с горбатой бабки. Оба ворона, приветствуя хозяйку, каркнули и плотно сжали клювы, замахав крыльями, стремительно полетели к лошадям, готовые смертельно вонзиться в их тела: правый ворон выбрал ту лошадь, что паслась ближе, левый ворон выбрал ту лошадь, что паслась дальше. Бим выдернул из земли меч и вихрем ринулся за воронами.

Через мгновение он догнал обоих и подпрыгнул так высоко, что оказался с ними на одном уровне, два раза резко махнул мечом, разрубив воронов пополам. Тут же горбатая бабка заорала как будто от боли, учуяв смерть своих верных подданных и потеряв часть своей силы.

И через мгновение Бим сел рядом с горбатой бабкой, на обратной дороге от места, где были разрублены зловещие вороны, он успел приземлиться около костра, чтобы воткнуть меч. Теперь же он схватил бабку обоими свободными крепкими ручищами, подпрыгнул и в прыжке бросил её со всей силы об землю туда же, где был вбит в землю её плащ, сам же опять приземлился рядом с костром и продолжил вращать вертел.

Пару перьев от воронов приземлились на костер и загорелись.

Настала пора вмешаться и Бому. Он ещё раз отхлебнул из кувшина, передал его брату и встал. Отряхнув одежду от прилипшей сухой травы и прочего растительного сора. Бом, мера каждый шаг, направился к неподвижно лежащей на спине старухе. Приблизившись к ней, Бом опрыснул лицо старухи ромом.

Старуха зашевелилась и открыла веки, уставившись на Бома чёрными, как смерть глазами, но и чернота не могла скрыть набухшие красные капилляры. Горбатая бабка не имела сил даже сесть.

«Ну что? Сотрудничать с нами будешь, старая карга?» – с насмешкой спросил Бом и стал медленно отходить к первому колу, воткнутому в кочку. Этот кол, как и все другие, отлученные от огня и воткнутые в другие кочки, перестали тлеть. Бом двумя руками схватил кол и потянул на себя. Вытянув кол, Бом пнул ногой кочку и та, не сразу, по чуть-чуть, зашевелилась и, как хромая на обе ноги собака, поползла к старухе.

Добравшись до её ладони, кочка остановилась и уткнулась в неё – и земля опала, как будто потеряв всю свою мощь и силу. Что-то толкало землю с низу, уйдя обратно к тому, кто его породил, к старухе, как будто не было никогда этой кочки.

Старуха, вернув незначительную часть от отданной силы, перевернулась на живот и, кряхтя, поползла к Бому, который отходил от неё к некому подобию забора – стене из таких же кольев, воткнутых его братом в кочки, вторым эшелонам посланные бабкой.

Такой удачи братья не ожидали, перед ними находилась Лесная ведьма, владычица леса, растерявшая силы в схватке.

Переступая через пораженные кочки, Бом остановился, дожидаясь, пока Лесная ведьма, лютая колдунья этих диких мест доползет до вонзенных кольев в кочке и постарается вытащить, хотя бы невысокий и слабо воткнутый в землю. Она доползла, но как ни тянула колья, они не поддавались, прочно застряв в земле.

Лесная Ведьма зашипела, не в силах заговорить. Бом спросил у неё:

«Я могу вытащить ещё один кол, чтобы ты не умерла к утру. Мы знаем, что в твоём лесном краю редко происходит что-то новое, поэтому ты, старая карга, знаешь, почему мы здесь. Кивни, если готова рассказать нам, зачем мы пришли. Иначе умрешь здесь, так и не освободив великую часть своих магических сил».

Лесная Ведьма затихла, лежа на животе. Она обдумывала предложения братьев так продолжительно, что им показалось, что Лесная ведьма, любившая поедать незначительные поселения людей, обглаживать до костей мирно пасущихся или скачущих лошадей, косить недугами людской урожай, стада коров заражать смертельными болезнями, уносить по ночам младенцев из домов, где матери по неосторожности, отвлекаясь на дела по хозяйству, оставляли детей – умерла. Но близнецы продолжали ждать, так как понимали, что искать ещё одного лесного гада, чтобы выведать у него место обитания Трехголовой Гидры, времени у них не хватит. Бом уже собирался отпустить ещё один холмик, вытащив кол, служившей ему тюремной камерой, в надежде, что он успеет помочь умирающей ведьме. Вдруг та зашевелилась, перевернулась на спину и энергично закивала, соглашаясь.

Бом двумя руками схватил кол и потянул на себя, освобождая холмик. Тот послушно побежал к хозяйке, Лесная Ведьма приняла его мощь, тут же взялась тянуть ещё один кол, но как бы она не прилагала усилий – у неё ничего не выходило.

«Теряешь наше время, тебе не вытащить колья, даже если я отпущу всех твоих подземных помощников. Давай рассказывай про гидру, а мы чутко послушаем и вкусно поедим. Ты на еду можешь не рассчитывать, твоя забота мощь себе вернуть, а уж для этого тебе постараться придется на славу» – сообщили ей братья.

Лесная Ведьма поднялась, постаралась сделать шаг, но тут же, потеряв равновесие, упала на бок, завалившись на траву. Бом подошел к ней и небрежно перенес её ближе к костру так, чтобы её спина смотрела в лес.

Бим снял мясо с огня, ровно разделил и передал Бому его долю. Братья жадно принялись за трапезу из-за подступившего голода, буквально проглатывая откусываемое.

Лесная Ведьма зашипела, но уже не так как до этого, из шипения ушли ярость и злость, осталось отчаяние: до встречи с этими людьми ей было достаточно зашипеть, чтобы кровь в человеке вскипела и его парализовало, а эти создания плевать хотели на все её фокусы. Кем они были?

– Гидра любит воду, берлога её на острове, обнесённом ледяной подземной речушкой. Вокруг такой холод, что птица, залетевшая на остров, вскоре замерзает. Гидра любит их есть морожеными. Также гидра быстро летает, так быстро, что ваши трюки с... – тут Лесная Ведьма всхлипнула. – ... моими воронами не помогут. Гидра не убивает только из лени. Людишек, её похищаемых, гидра держит на острове, щадит их, выкопала им землянку накидала туда травы, чтобы они в ней грелись, сегодня гидра притащила на остров прекрасную девушку. Целый день гидра сидит на острове, охраняет свой живой запас еды, иногда поедая.

– Пойдешь с нами, не верю тебе на слово. Силу твою будем возвращать по мере твоего ослабления. Умереть точно не дадим, если исполнишь свою часть договора: покажешь дорогу верно, найдем гидру; когда убьем её, сожрешь её, отлежишься и восстановишь дьявольские силы. Мы за это время успеем добраться до той точки, откуда зашли в лес, и уйти домой. Мы должны понимать, что не получим от тебя удара в спину. Холмики отпустим здесь. Если не согласишься, то голову твою с плеч срубим. Потеряем время, но нам то что, мы идем принцессу вызволять, она приманка для нас, поэтому гидра её не съест, будет нас дожидаться. После того как голову твою срубим, тело твоё сожжём, на запах кто-нибудь придёт, а не придёт, то по-другому сделаем – голову твою на кол наденем и с ним в лес пойдем на прогулку. Сама видишь, храбрости нам ни занимать. Идти будем ровно на запад, к утру привал с костром и жаркой мяса организуем. Глядь и кто-нибудь выйдет к нам, посотруд-

ничать не сопротивляясь, вдохновленный твоей головой, из которой к тому событию через распоротую плотку вытекут мозг и кровь, а глаза для устрашения вытащим, чтобы пустые глазницы птиц одурманивали. В случае, если никто не выйдет, то примемся за поиск, распотрошим пол-леса, а то и подожжём, уверен не быстро, но уж в ночи заламаем кого-нибудь, кто понимает человеческую речь.

Звучало внятно.

— Хрен с вами. Согласная я.

— Умничка, правильный выбор в пенсионном возрасте снижает серость лица.

Бим достал из своего вещмешка ещё один свернутый мешок и лопату, подошел к проткнутым холмикам и ловкими колющими движениями начал их выкапывать так, чтобы холмик с землей и воткнутый в него кол оставались целостными. После того, как они были вырыты, Бим погрузил их в мешок, складывая наподобие восковых свеч.

Ведьму связали длиннющей верёвкой, какая у них имелась в одном экземпляре, а оставшийся конец в четыре метра закрепили за Бомом, мудрено привязав к его кожаному поясу. Лошадей распрягли и нашептали уйти пастись к дому, сбруи и седла мастерски спрятали в невысоком кустарнике у леса, остальные вещи взяли с собой.

Когда вошли в лес, ночь стояла в самом разгаре: в кромешной тьме периодически, то там то сям всплывали жёлтые глаза, из разных уголков раздавались тревожные звуки, отдавленно напоминающие последние истошные мольбы и просьбы о сохранении жизни, но их тут же заглушали и останавливали звуки жевания и жадного глотания.

Но спустя минуту всё затихло.

— Там, где есть деревья, там моя власть. — Пояснила Лесная Ведьма. — Идем строго на север. Под ноги не смотрите, перед нами лес послушно расступается и не причинит вреда.

И правда так и было, шли ровно, как по каменной площади у дворца короля, не спотыкнешься и не растянешься, вывихнув ногу, потому что трава прижималась к земле; грибы, корни и пни держались поодаль; животные, птицы и насекомые попрятались в лабиринтах растительности, деревья расступались. Из-за этой суеты образовывалась безопасная дорога, направляющая братьев туда, где никогда не ступала нога человека, к поляне слизи.

Без остановки на отдых и сон шли они оставшуюся часть ночи, утро и до обеда, к началу которого лес стал редеть, просвечивая серыми тонами, несимпатично смотревшимися после густой и насыщенной зелени.

Когда вышли туда, где лес переходит в пустую серую даль, то остановились на границе, не перешагивая её. Впереди находилась серая земля, местами мокрая, как от прошедшего затяжного дождя, от чего была покрыта лужами разной глубины, без какой-либо растительности, над ней не пролетали птицы, и следы животных на глиняной почве отсутствовали. Хотя их мог смыть продолжительный дождь.

— Ну, Ведьма, рассказывай, как далее пойдём. — Приказал Бим.

— Этот участок мне не подчиняется, поляна слизи появилась в лесу после того, как гидра забеременела от Крысыяка во второй раз. Первым же её ребенком было создание совсем другое — успешное, вы, люди, знаете его как Чудище Пучеглазое.

Краткая неожиданная история про Слизня.

Тяжело гидра переносила вторую беременность: стояло жаркое лето, она постоянно горланила змеиные мольбы, от чего лес дрожал, деревья роняли плоды и осыпались листья. С наступлением осени стала выборочно жечь деревья, к зиме совсем разум потеряла, прилетела на этот, тогда ещё цветущий участок леса, второй головой дыхнула и превратила его в серый камень, третьей головой дыхнула, и рассыпался камень в пыль. На следующий день пошёл дождь со снегом, он прибил пыль, так и появилась серая невзрачная поляна, растянувшаяся на долгие мили.

Обиделась я на неё, знала, что соседство с вольнолюбивой гидрой тяжелая ноша, но мой лес разрушать, превращая его в безжизненную пустошь, и не понести за это действие наказание, значит ставить мое положение ниже, чем положение у других ведьм. Открыто действовать я не привыкла, всегда исподтишка. Знала я, в каком месте гидра воду из реки любит пить, и нагрянула в гости к водяной ведьме той реки с просьбой, чтобы она в следующий раз, когда гидра сподобится воды попить, в том месте остановила течение реки на столько времени, сколько она будет пить, а в воде будут мелкоизмельченные зерна спорыньи плавать. Заглотит их гидра вместе с водой, и как начнет вода с желудочным соком смешиваться – заболит гидра на пару дней глупостью, а глупость не известно, куда может завести.

Удался мой план, и заболела гидра. Два дня сидела в своем логове, разворотила весь остров, лишив его остатков деревьев и кустарников. И на четвертый родила раньше положенного срока, да родила черте че. Размером с пол – лошади, серого цвета, длинного и толстого, формой на слизняка похожего, только без глаз антенн, совсем слепой и на спине с руками, жалким подобием маменькиных крыльев и ртом – трубкой длиной в два локтя. Вот потеха была до того дня, пока гидра на пятые сутки после трагичного посещения водопоя, притащила на пустошь свое новорожденное черте че и бросила его здесь подышать. И больше сюда никогда не прилетала. Ну, думали, что сдохнет этот слизняк, и истории конец.

Но этот скользкий отросток адаптировался. Скользил по серой поверхности легко и свободно, как будто плавал, оставлял там, где проползал след из слизи, выделяемой его кожей и сутками не высыхающей, от чего серая местность превращалась в каток. По началу питался по глупости зашедшими в серую пустошь маленькими животными, которые были не в состоянии передвигаться по слизистой поверхности и, теряя равновесие, падали. Он же появлялся, оплёвывал их своей слюной, такой же густой как слизь, но такой липкой, что стоило, к примеру, мышки прижать лапы к телу, как они приклеивались к нему, и она теряла способность двигаться, становясь беззащитной. Тогда он беспрепятственно втягивал её ртом-трубкой. Такие фокусы проходили с сусликами, зайцами, лисами; другие же, поняв, что местность крайне опасная, держались подальше от поляны слизи.

Слизень принялся брюхом рыть в земле ямы, да такие глубокие, что не видно было и дна. Их заполняло дождем. После этого вода в них отстаивалась, а в сезон дождей река, разливаясь, затопливая большие территории и, выходя из берегов, приносила сюда рыбу. В вырытых ямах завелась живность разного рода и размера, и чем шире была лужа, тем больше рыбка вырастала и без хищных обитателей плодилась неимоверно. И день изо дня луж становилась до того много, что этого хватало Слизняку на «прокормиться»: а кормиться Слизень уж как любит и вскоре вырос размером в три лошади.

Хищные птицы стали наведываться на серую землю в надежде полакомиться рыбкой, но стоило птице приземлиться на серую липкую поверхность, как молниеносно прискользал на брюхе Слизень и всасывал птицу беззубым ртом. Слизень окреп.

Вскоре, в первый год нахождения на серой земле Слизень начинал болеть, думала, что сдохнет мягкотелая бескостная субстанция. Но фиг тебе, он не то, что не сдох, а оказался гермафродитом и рожал каждый год по такому же липкому наземному слизию. Так произошло и на второй год и следующий. Повезло, что другие слизи, им рожденные, не могли рожать, так что матка у них одна – сам Слизень.

Но, как только общее число этих улиток без панциря становилось больше семи, свежорождённого не трогали – съедали самого слабого из его выводка, так как пропитания на всех не хватило бы. Поляна слизи протяженностью несколько километров не расширялась, остальная местность для слизней была не доступна – для них укол в тело, за исключением брюха, любой веткой наносил невосполнимый урон.

Как-то один слизень из выводка, понимая, что он самый слабый и в этом году его съедят, решил добраться до речки: там, где гидра поживает, полз на запах свежести близле-

жащей реки. Так он не смог проползти и десяти метров. Когда добирался по репейнику, то погиб от порезов, даже не смог вернуться, пытаясь спастись. Поняв это, слизень отчаялся, и тело начало терять способность сохранять жизненную энергию. Труп за час склевали птицы, и объели мыши: на столько оно было мягкое и не приспособленное к лесным трудностям, зато на вкус жирное и нежное. У этих слезней только брюхо выносливое.

– И теперь о вашей миссии. Поляна слизи, расширяющаяся в обе стороны так, что если нам вздумается обойти её слева, то потеряем пару дней, потому что упрёмся ещё и в болотную топь. Там правит другая ведьма, с ней я не дружу, от того гибель нас ждёт. Вздумаем обойти слева – упрёмся в скалистую местность, а её я не знаю. В скалах обитает «маленький народ» и постоянно находится в пещере в поисках драгоценных камней, поэтому подсказки, как добраться до острова гидры, от вечно занятых людишек-маломеров особо не жди. К тому же в высокой скале Имер обитает Крысьяк, этот оттяпает голову, не успеешь заметить. Напрямик, по полям слизи, часа три топать. Выбор за вами.

– Три часа устраивают, – ответил Бим. – Как безопаснее двигаться?

– Обходим невысохшую слизь и слюни, – ответила Лесная ведьма.

– Сапоги по-прежнему использовать не будем, – рассуждал вслух Бим. – Если по поляне слизи в них передвигаться: сапоги кожаные, а кожа портится от воды и слизи. Побережём волшебные сапоги для финальной битвы. Пойдём в обычных ботах в том ритме, что даст дорога.

– Как охотятся и убивают слизней? – спросил Бом ведьму.

– На серой земле, как ранее рассказывала, они передвигаются молниеносно по слизи, выделяемой их кожей; поравнявшись с заблудшей жертвой, они оплёвывают её. Жертва, покрытая слюной, запугиваемая резкими выпадами толстых тел слизней и устрашающими гримасами их ртов-трубок, не может дальше передвигаться, и поэтому приходится прикладывать массу усилий. От чего, в бесконечных попытках встать, сопротивляемость оборонявшегося ослабевала, и он, со слипшимися под влиянием слюны частями тела, в очередной раз терял равновесие и падал. Жертва долгое время оставалась лежать на одном месте в надежде вскоре восстановить свои потерянные силы и пробовала после противостоять клейким свойствам слюны этих мерзких тварей. Но все оказывалось напрасным – в итоге она целиком заглатывалась одним из слизней.

Но, если соблюдать тривиальные условия, то напрямик преодолеть серую проплешину леса сможем запросто. Надобно, слегка поторапливаясь, передвигаться, избегая слизи, в лужи и маленькие, но крайне глубокие, траншеи.

Моя помощница, лиса, научилась таскать у слизней рыбу из траншей. Особо крупной величины рыба водится почти в середине этой поляны, отсюда не увидишь. Несколько раз ей удавалось полакомиться именно обильным уловом и вернуться невредимой. Разве что в последний раз, слизи уловили её появление и погнались за ней. Лиса, облепленная слизью – в которой измазалась, неразборчиво наступая, когда убегала от погони – успела выйти с той стороны, где лес сходится с рекой, и туда, куда вы направляетесь. После этого случая охота посещать этот чужеродный серозём у лисы пропала напрочь.

Но мы же не лиса, доберемся. Хотя слизи, поняв, что их родной край безнаказанно посещают без спроса, изменили манеру держаться вместе на правой стороне поляны, почти рядом со скалами. Прежде они находились там, потому что ребенок гидры, помня, как его бросила мать, на протяжении нескольких лет звал отца, Крысьяка, надеясь на его помощь и умоляя его прийти и выслушать. И как-то раз отец пришёл поглядеть на свое второе порождение. Его ребенок просил на своем «трубодурчатом» языке, чтобы тот уговорил гидру расширить поляну, сравнив её с лесом: вровень на пару миль, сделав её серой, как его текущая пустошь. Отец не внял просьбам уродливого ребёнка и в знак этого показал, что разговор

раз и навсегда закончен, и чтобы Слизень никогда его не звал. Он схватил одного из детей, унёс на тропу между скал, чтобы мерзкие твари могли увидеть похищенного и, разорвав его на мелкие куски, сожрать.

С тех пор слизняки, потеряв надежду на постороннюю помощь, что-то планировали: придумали конвоировать траншеи, рыли новые и разводили в них рыбу, чтобы увеличить объем пропитания и по всему размножить поголовье своего рода. Так как поляна эта значительно растянута, то слизни вынуждены конвоировать поодиночке. Если попасться слизнякам тогда, когда их в группе больше двух, то уйти невредимым никому не удавалось. Но мы же «не никому», доберёмся.

Как-то зимой четыре оголодавших волка, зная о том, что слизняки часто передвигаются поодиночке, решились полакомиться ими. Ворвались на поляну, покрытую местами снегом: который почти отсутствует зимой, потому что тает, попав на слизь. Увидели одного слизняк-конвоира и бросились на него. Он тоже, сразу их заметив, издал трубный клич, и когда волки почти приблизились к нему, предвкушая трапезу, то неожиданно для них были окружены другими слизняками, незамедлительно прибывшими на помощь товарищу и изрыгающими клейкие слюны. От этого волки со слипшимися лапами потеряли скорость в передвижении и, беспомощно скользя по серой почве, вскоре были целиком засосаны близко стоящими тварями.

– Это мне нравится. Дождь не намечается, а он бы нам помог размыть слизь. Ну и это не беда: отсюда заметно, что она на солнце там, где долгое время не проползали слизни, высохла, так что найдётся нам сухая дорога. Пойдем напрямик, – подытожил Бим.

Сказано – сделано.

Бим, Бом и пленённая Лесная Ведьма вошли на серую землю. Бим наступал исключительно на сухие места, Бом и ведьма ступали по его следам. Все осознавали, что соблюдение тишины при хождении – одно из условий выживания, поэтому молчали и шагали, мягко наступая на сухую, спрессованную веками пыль. Постепенно серая земля стала разбавляться неглубокими лужицами, в которых плавали мальки, обходить их не составляло труда.

Пройдя глубже, лужицы со стайками мальков сменились глубокими траншеями, заполненными рыбой длиною в локоть, изредка игриво бьющими плавниками по краю воды. Поубавилось сухой суши, она сменилась слизью, оставленной ранее лавирующими между траншеями слизнями.

Бим, заинтересовавшись искусственным водоёмчиком, остановился и присел, чтобы разглядеть, как он устроен. В прозрачной воде прекрасно виднелись плавающие рыбки, и глубже были видны, что позволяло рыбе кормиться и расти, – это края траншеи. Через примерно два локтя серая безжизненная спрессованная крошка заканчивалась, и начиналась земля, привычная тёмная и плодородная, из которой рыба брала то, что ей так необходимо: червей, корни растений и минералы. Рыбки имели чуть золотистый окрас, и на пару минут Бим завис над траншеей, не заметив, как рядом с ним следом присели Бом и Лесная Ведьма.

Наслаждаясь движениями рыбок, похожими на танец звёзд в ночном небе: как будто два-три заблудших крохотных облака нежными наплывами тревожат свет звёзд, на секунду братья и Лесная Ведьма потрясённо воспринимали реальность иначе – им казалось, они стоят на потолке, а вода в траншеях – это небо, появившееся из широкого разлома в сером проёме. Даже было интересно понять, как слизни старательно рыли брюхами землю, не причиняя себе вреда.

В этот момент, разные по сути, они сблизилась, но не признавали этого до конца, так как каждый жил по-своему, противоположно. Братья – пытались выбраться из затянувшего их коловорота, Лесная Ведьма – дойти до исполнения того плана, в который она втянула наивных братьев.

Так прошло минут десять. Бим подумал, что пройдёт несколько лет, и растительность возьмёт свое – она, плутая по трещинам спрессованной пыли, найдёт выход на поверхность, закрепится корнями и вылезет зелёными ветками и почками по всей серой, неимоверно растянувшейся поляне из разных мест на воздух, сменив безвозвратно обстановку.

Когда Бим оторвал взгляд от взмахов плавников рыб, то заметил у траншеи, расположенной впереди слизняка, плавающий обед, состоящий из живой рыбы. Слизень, обращённый задом к залётным гостям, не замечал их, продолжая трапезу – ловил ещё рыбу.

Бим, в отличие от Бома, не был связан с ведьмой верёвкой, поэтому медленно вытянул меч из ножен, подумав, что именно так развеиваются слухи о сверхспособностях слизней. К примеру, вот этот слизень не смог заметить их прихода, потому что жрал, сосредоточившись на столь редком перекусе в этих убогих краях, и его хваленый слух не донес до него новости о возможно надвигающейся опасности.

Бим сделал несколько шагов к слизняку и, перед тем как поскользнуться на слизи и упасть, взмахнул мечом, перерубив его туловище пополам. Бом подошёл к брату через минуту, стараясь не наступать на мерзкую тварь, и помог встать ему на ноги. Слизняк умер, так и не поняв этого. Упав, распался на две части – левая упала в траншею, и на неё набросились голодные рыбы, отрывая куски от нежной серой туши, правая – мерзко шлёпнулась о серозём.

Создав шум, условие было нарушено, теперь стоило поторопиться.

Братья прибавили ход, так как если не шум, то другие слизи могли найти тело своего соплеменника и приступить к поиску коварного врага. В таком режиме прошёл час, и впереди замаячил лес, траншеи и лужи исчезли, осталось преодолеть пару пригорков. Братья остановились и обернулись на возникший позади шум: Бим автоматически достал меч, а Бом топор, прятанный до этого в вещмешке.

Оказавшись буквально на последней позиции, перед подножием леса, шагов за пятьсот от данного места, и возник «обидный риск не дойти» – сзади, шагов за триста, в ровную линию выстроились преследовавшие их слизняки. Сын гидры заметно выделялся из всех слизней, он, в отличие от абсолютно серо-коричневых детей, имел коричнево-зелёный окрас и значительно выше и мощнее смотрелся на их фоне.

Бом наощупь отвязал от пояса верёвку и кинул её ведьме:

– Ты теперь сама по себе.

Бим на секунду оглядел ведьму:

– Она не дойдёт, спешка вымотала её. И сражаться не сможет.

Бим грубо воткнул меч в серозём, освободившейся рукой снял с плеча мешок, висевший на лямке, и в котором, как свечки, лежали холмики, вытащил один из них.

Сын гидры медлил, увидел непонятных созданий, держащих в руках странные приспособления. Он осторожничал, приняв их, учуял, что невиданные приспособления пахнут смертью.

– Ты, ведьма, подумай, как использовать колдовство с толком: нам надо добраться в лес, это надо сделать вместе, поодиночке не дойдём, навалятся толпой и съедят. Договорив, Бим вытащил кол из куска земли и бросил его на серозём. Бугорок пополз к ведьме и проник в неё, оставив оболочку – шматок земли. – Вот тебе щепотку предоплаты и лови остальное.

Бим освободил ещё пару холмиков, которые вползли в Лесную ведьму через её ладонь, и бросил ей с оставшимися плененными мешок со словами:

«Перед тем, как вытаскивать кол из холмика, произнеси «отпусти», и кол отпустит твои кусочки силы».

Лесная Ведьма от дозы энергии ожила: схватила мешок и надела его, подняла землю и стала мять её в руках. Бим бросил ей в ноги колья, надеясь, что они тоже помогут ведьме, так как они были из её окружения, мира леса.

Ещё Бим подумал, что снова очередной слух опровергнут насчёт численности слизней: их было не семь, а одиннадцать.

Драться со слизнями перед предстоящим боем с гидрой не хотелось, и Бим стал стягивать с другого плеча вещмешок с сапожками от Тим-Тили-Бима, чтобы, нацепив их, схватить брата и ведьму и покинуть неприятную серую землю, но понял, что опоздал. Слизни бросились на них, и слух о том, что слизни двигаются быстрее быстрого, подтвердился.

И успели бы, если бы Лесная Ведьма не принялась удивлять: из её рук в разные стороны полезли пучки веток, расширяясь и закрывая перед слизнями путь к Биму и Бому смертельной колкостью – ветки покрывали мелкие, но твёрдые шипы, вонзающиеся в приближающих слизней; верёвка, сковывающая её, порвалась с легкостью паутины; спина стала, удлиняясь, расти вверх, преобразовываясь в ствол двухсотлетнего экзотического дерева, из ствола которого также безостановочно выползали толстенные крепыши-ветки, защищающие основу дерева и прокалывающие ближайших слизней; ноги исчезли, выкинув могучие корни, бьющиеся отростками, как плетями, по туловищам слизней. Перевоплощение сопровождалось громким скрежетом, ненадолго оглушившим братьев.

Бим и Бом зашли по краям дерева, в которое обернулась ведьма. Дерево начало рвать ветвями и корнями пятерых приблизившихся слизней, не сопротивляющихся и не понимающих, откуда появилось это чудо, и почему им больно, и почему они умирают.

Бим успел нанести несколько разбросанных, приводящих к тяжелым ранениям ударов мечом по трём не вовлечённым в схватку с ведьмой слизнякам. После этого он, оплёванный слюной, стал терять равновесие и, поскользнувшись, свалился. Упав, продолжал отмахиваться мечом, не давая слизням себя схватить. Это было лишним и бессмысленным: раненные им мерзкие твари не в состоянии были продолжать бой, поэтому отползали от Бима, распадаясь, как холодец под нажимом вилки, на куски.

Бом прикинув, что прежде, чем дотянется топором до врага, его завалят потоками слюны, поэтому он сделал так, чтобы одним броском топора попасть в голову приближающегося слизняка и уложить его насмерть. Затем он запрыгнул на спину другому монстру, прижал бёдрами его недоразвитые руки, неряшливо торчащие из боков, вытащил нож и воткнул его в бочину мягкотелому созданию, нанеся критичный урон врагу. Слизень завалился, прижав ногу сидящему на нём Бому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.